

ких лет, когда ставился вопрос об Индии, колонизаторы и люди с колонизаторскими тенденциями всегда отвечали: мы не можем уйти из Индии, потому что, если мы уйдем, там немедленно создастся беспорядок, там мусульмане начнут резать индусов. Вспомните, что так же стоит вопрос о Египте. Под видом охраны порядка ставится вопрос, по существу для того, чтобы поддержать колониальное владычество. Вот почему мы считаем, что на нынешней стадии развития Соединенные Штаты Америки стремятся всюду создать сначала беспорядок там, куда они хотят проникнуть. И затем наряду с этим они хотят использовать Организацию Объединенных Наций. Мы поэтому голосовали против межсессионного комитета, потому что межсессионный комитет является орудием для создания такого беспорядка. Вот почему мы теперь говорим, что мы высказываемся против этой комиссии, которую никто не уполномочивал, никто не предлагал со стороны корейского народа.

Вашим решением вы не создадите предпосылки для решения корейского вопроса. Вы создадите условия, благоприятные для Соединенных Штатов Америки, чтобы превратить Корею в марионеточное государство. С другой стороны, вы создадите благоприятные условия для превращения Кореи в военную базу, в плацдарм. Совсем не случайно в «Джорнал американ» известный реакционер Ким Ку писал: «если в Корее будет образовано правое правительство,— заметьте, не демократическое, а правое правительство,— то в таком случае Соединенным Штатам будет предоставлена военно-морская база, которая наряду с Окинавой создаст господствующее положение для Соединенных Штатов Америки в районе Тихого океана, в районе Корейского залива».

Вот к чему идет дело. Вот за что вас призывают голосовать. Господа, вы призваны сейчас сказать свое слово. Мой долг, моя обязанность сказать вам правду от имени украинской делегации. Вашим голосованием за эту корейскую комиссию вы создаете новый очаг противоречий, чреватый значительными последствиями. Подумайте об этом господа.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Список желающих выступить исчерпан, сейчас мы должны поставить на голосование резолюцию, предлагаемую Первым комитетом.

Резолюция принимается 43 голосами при отсутствии голосов против и при 6 воздержавшихся.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Сейчас мы должны поставить на голосование документ А/477 — проект резолюции, предлагаемый Союзом Советских Социалистических Республик.

Г-н ВЫШИНСКИЙ (Союз Советских Социалистических Республик): Я прошу провести поименное голосование.

Проводится поименное голосование. Результаты голосования следующие:

За: Белорусская Советская Социалистическая Республика, Египет, Польша, Союз Советских Социалистических Республик, Украинская Советская Социалистическая Республика, Чехословакия, Югославия.

Против: Австралия, Аргентина, Бельгия, Боливия, Бразилия, Венесуэла, Гондурас, Греция, Доминиканская Республика, Индия, Исландия, Канада, Китай, Колумбия, Коста-Рика, Куба, Люксембург, Нидерланды, Никарагуа, Новая Зеландия, Пакистан, Панама, Парагвай, Перу, Сальвадор, Соединенное Королевство, Соединенные Штаты Америки, Турция, Уругвай, Филиппины, Франция, Чили, Эквадор, Южно-Африканский Союз.

Воздержались: Афганистан, Гаити, Гватемала, Дания, Ирак, Иран, Йемен, Либерия, Ливан, Мексика, Норвегия, Саудовская Аравия, Сиам, Сирия, Швеция, Эфиопия.

Резолюция отвергается 34 голосами против 7 при 16 воздержавшихся.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Прежде чем объявить перерыв, я зачитаю список желающих выступить по вопросу о необходимости более широкого использования Международного Суда Организацией Объединенных Наций и ее органами. Выступить пожелали: представитель Польши, который желает внести поправку, представители Австралии, Ирана, Колумбии, Союза Советских Социалистических Республик, Канады, Бразилии, Франции и Египта. Запись желающих выступить прекращается.

Заседание закрывается в 12 час. 55 мин.

СТО ТРИНАДЦАТОЕ ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Пятница, 14 ноября 1947 года, 15 час.

Флошинг Медоу, Нью-Йорк

Председатель: г-н О. АРАНЬЯ (Бразилия)

70. Необходимость более широкого использования Международного Суда Организацией Объединенных Наций и ее органами: доклад Шестого комитета (документ А/459 и А/459/Согг.1)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Слово предоставляется Докладчику Шестого комитета.

Г-н КЭКЕНБЕК (Бельгия) (*говорит по-французски*): Доклад Шестого комитета о необходимости более широкого использования Международного Суда Организацией Объединенных Наций и ее органами находится в распоряжении делегаций.

Этот одобренный Комитетом доклад является довольно большим по объему, потому что в нем подробно излагаются различные положения пра-

ва и приводятся многие выступления определенных делегаций. Мне кажется, вряд ли есть необходимость зачитывать его. Тем не менее будет не лишним дать некоторые пояснения.

Прежде всего следует внести одну поправку: в английском тексте проекта первой резолюции слова «*in particular*»¹ следует исключить, так как их не было в тексте, одобренном Шестым комитетом.

Общей основой всех трех рекомендованных Шестым комитетом проектов резолюции является глубокое стремление большинства делегаций — за очень небольшим исключением — добиться того, чтобы правовые и судебные методы использовались большим уважением, а услуги Международного Суда использовались чаще.

Многие представители выразили большое сожаление и серьезную озабоченность в связи с безразличием, которое слишком часто проявлялось в последние годы по отношению к правовым аспектам дел, и в связи с игнорированием арбитражных и судебных методов.

Первая из трех резолюций, которые Шестой комитет рекомендует принять Генеральной Ассамблее, касается просьб надлежащим образом уполномоченных органов и агентств о консультативных заключениях, относящихся к вопросам права и, в особенности, к толкованию Устава.

Делегация Польши представила Шестому комитету поправку, в которой исключается всякое упоминание о толковании Устава и безосновательно утверждается, что толкование Устава не входит в компетенцию Суда. Эта поправка Польши, за которую было подано шесть голосов, была отклонена Шестым комитетом.

Подавляющее большинство членов Комитета придерживается того мнения, что в положениях, предоставляющих полномочия Международному Суду давать консультативные заключения по вопросам права, не содержится ничего такого, что исключало бы из этих вопросов права те вопросы, которые относятся к толкованию Устава.

Далее, резолюция никоим образом не имеет в виду превратить Суд в орган, который может сделать обязательным свое толкование Устава для других органов Организации Объединенных Наций. Давая консультативное заключение, Суд действует только как эксперт, как эксперт исключительно высокой квалификации.

Поскольку вскоре начнется дискуссия по этому техническому вопросу, то я думаю, что на мне, как на Докладчике, лежит обязанность попытаться предотвратить определенные недоразумения.

Резолюция не создаст ни для какого органа или организации какого-либо обязательства запрашивать заключения Суда как по вопросам тол-

кования Устава, так и по другим правовым вопросам. Однако многие делегации полагают, что в некоторых случаях было бы целесообразно и желательно обращаться за подобными заключениями. Это и является целью рекомендации.

От Суда требуются лишь консультативные заключения. Следует подчеркнуть различие между решением, которое является обязательным для сторон, и консультативным заключением, которое разъясняет какому-либо органу или организации вопросы права, смысл или понимание положения. В случае вынесения консультативного заключения, как я уже говорил, Суд действует в качестве эксперта.

Суд не может навязать свое толкование органам Организации Объединенных Наций, потому что резолюцией не предусматривается создание какого-либо юридического аппарата, позволяющего ему это делать. Однако необходимо проводить различие между тем, что юридически обязывает, и тем, что обладает весьма большим авторитетом с точки зрения доктринальной и моральной. Именно этот огромный доктринальный и моральный авторитет заставляет большинство делегаций придавать исключительное значение мнению Суда и побуждает их при соответствующих обстоятельствах запрашивать его заключение.

В ходе прений Шестой комитет неоднократно ссылаясь на документы Конференции в Сан-Франциско, и делегация СССР, я полагаю, оказала услугу всем делегациям, распространив в документе A/474 текст доклада², составленного группой юристов в Сан-Франциско и указывающего, каким образом и какими органами может осуществляться толкование Устава.

Как большинство, так и меньшинство Шестого комитета фактически основывается на различных пунктах одного и того же доклада, и я думаю, что было бы полезно для внесения ясности в дискуссию зачитать этот доклад полностью, так как, может быть, еще не все делегации ознакомлены с ним. Доклад гласит:

«Комитет II/2 передал на рассмотрение данного Комитета следующий вопрос: как и каким органом или органами Организации будет осуществляться толкование Устава? Изучение этого вопроса привело к следующим выводам:

В процессе своей деятельности... различные органы Организации неизбежно должны осуществлять толкование определенных частей Устава, касающихся их специфических функций. Этот процесс присущ деятельности любого органа, который направляется документом, определяющим его функции и полномочия. Это неизбежно будет проявляться в работе таких органов, как Генеральная Ассамблея, Совет Безопасности или Международный Суд. Поэтому нет необходимо-

¹ В русском тексте: «в частности».

² См. Документы Конференции Объединенных Наций по созданию Международной организации, проект доклада Докладчика Комитета IV/2, документ WD 269, IV/2/42.

сти включать в Устав положения, разрешающие или одобряющие нормальное применение этого принципа.

Может оказаться, что возникнут трудности вследствие расхождений во мнениях различных органов Организации по вопросам правильного толкования положений Устава. Так может получиться, что два органа придерживаются различных взглядов и каждый из них выражает свои взгляды или даже действует в соответствии с ними. При наличии унитарной формы национального правительства окончательное решение такого вопроса может быть предоставлено высшей судебной инстанции или какому-либо другому государственному органу. Однако природа Организации Объединенных Наций и ее деятельности, по видимому, не предполагает включения в Устав подобных положений. Если два государства — члена Организации Объединенных Наций не могут прийти к соглашению в отношении точного толкования Устава, они, конечно, могут передать свои спорные вопросы на решение Международного Суда, как если бы дело касалось любого другого договора. Подобным же образом Генеральная Ассамблея или Совет Безопасности при соответствующих обстоятельствах всегда имеют возможность обратиться в Международный Суд за консультативным заключением в отношении толкования какого-либо положения Устава».

Разрешите мне сделать замечание по этому поводу: если бы Суд не был компетентен давать заключения по толкованию Устава, то я хотел бы знать, написали ли бы эту фразу юристы, которые составляли Устав в Сан-Франциско. Я повторю ее:

«... подобным же образом Генеральная Ассамблея или Совет Безопасности при соответствующих обстоятельствах всегда имеют возможность обратиться в Международный Суд за консультативным заключением в отношении толкования какого-либо положения Устава».

Далее в докладе говорится:

«Если Генеральная Ассамблея или Совет Безопасности предпочтут воспользоваться другим методом, то они могут учредить комитет юристов *ad hoc*, который изучит вопрос и доложит свои соображения, или могут провести совместное заседание. Короче, члены или органы Организации Объединенных Наций могут использовать различные средства в целях получения необходимого им толкования. Вряд ли необходимо и целесообразно перечислять или излагать в Уставе эти различные приемлемые средства.

Разумеется, если какое-либо толкование, данное каким-то органом Организации Объединенных Наций или комитетом юристов, не принимается большинством членов, то оно не имеет обязательной силы. При таких обстоятельствах или в случаях, когда желательно дать авторитетное толкование в качестве прецедента на будущее, может возникнуть необходимость включить такое толкование в виде поправки к Уставу, и

это всегда можно сделать, прибегнув к процедуре, установленной для внесения поправок».

Здесь имеется отчетливое разграничение, уже установленное нами, между обязательным значением и доктринальным и моральным авторитетом консультативного заключения Суда. Именно этот доктринальный и моральный авторитет делает целесообразным обращение в Суд за консультативным заключением, потому что Суд, состоящий из компетентных, беспристрастных и независимых лиц, дает совершенно исключительную гарантию и сам Устав признает его главным судебным органом Организации Объединенных Наций.

Я думаю, что эти детальные объяснения могут быть полезными для внесения ясности в дискуссию, ввиду прений, имевших место по этому вопросу в Шестом комитете.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Слово предоставляется представителю Польши.

Г-н ЛАНГЕ (Польша) (*говорит по-английски*): От имени делегации Польши я хотел бы внести поправку³ к первой резолюции, содержащейся в докладе Шестого комитета. Поправка относится к вопросу, который был только что поднят и широко освещен Докладчиком. Мне хотелось бы отметить, что в основном моя делегация выступает за предложение, содержащееся в первой резолюции. Наше возражение направлено только против той части пятого пункта, которая гласит:

«Рекомендует, чтобы различные органы Организации Объединенных Наций и специализированные учреждения время от времени рассматривали возникающие в ходе их работы сложные и важные правовые вопросы, относящиеся к компетенции Международного Суда, когда они касаются принципиальных положений, требующих разрешения, в частности вопросов толкования Устава Организации Объединенных Наций или уставов специализированных учреждений...»

Моя делегация предлагает исключить слова «в частности вопросов толкования Устава Организации Объединенных Наций или уставов специализированных учреждений...». В тексте, который был роздан, в этом месте говорится «в частности вопросов...». Однако, как уже сказал Докладчик, слова «в частности» следует исключить.

Мы предлагаем эту поправку, так как, во-первых, у нас есть сомнения юридического порядка относительно того, действительно ли вынесение консультативных заключений, касающихся толкования Устава Организации Объединенных Наций, подлежит юрисдикции Международного Суда; и, во-вторых, у нас есть серьезные сомнения относительно политической целесообразности такой процедуры.

Мне хотелось бы сначала вкратце объяснить сомнения юридического характера. Докладчик, чей авторитет в вопросах международного права мы все признаем, весьма компетентно изложил

³ См. документ A/472.

мнение, противоположное нашему. Однако я должен сказать, что в данном случае его аргументы меня не убедили.

Этот вопрос предусматривается двумя статьями Устава и двумя статьями Статута Международного Суда. Статья 92 Устава гласит, что Международный Суд является главным судебным органом Организации Объединенных Наций, а также утверждает, что Статут Суда является неотъемлемой частью Устава.

Следовательно, я могу цитировать Статут Международного Суда, рассматривая его как часть Устава. Сам Устав, статья 96, гласит, что «Генеральная Ассамблея или Совет Безопасности могут запрашивать от Международного Суда консультативные заключения по любому юридическому вопросу». Во втором пункте этой статьи некоторым другим органам также предоставляется право запрашивать консультативные заключения на других условиях, однако касаться этого в настоящий момент нет необходимости.

В самом Статуте Суда есть две статьи, которые определяют юрисдикцию Суда. Во втором пункте статьи 36 говорится о юрисдикции, распространяющейся на правовые вопросы, включающие помимо прочих вопросы международного права. Однако если государств—члены Организации Объединенных Наций передают определенные правовые вопросы на консультативное заключение в Международный Суд, то органы Организации Объединенных Наций могут обратиться за консультативным заключением на основании статьи 65, которая гласит, что: «Суд может давать консультативные заключения по любому юридическому вопросу по запросу любого учреждения, уполномоченного делать такие запросы самим Уставом Объединенных Наций или согласно этому Уставу».

Доказывают, что под словами «любой юридический вопрос» подразумеваются и вопросы, относящиеся к толкованию Устава. Я никак не могу согласиться с таким широким толкованием слов «любой юридический вопрос», однако во всем тексте, если внимательно его изучить, всегда оказывается, что они означают определенные специфические юридические споры между государствами—членами Организации Объединенных Наций, по которым запрашивается заключение Международного Суда непосредственно этими государствами или же теми органами Организации Объединенных Наций, которые занимают рассмотрением таких споров.

Мне кажется, что включение толкования Устава в значение слов «любой юридический вопрос» было бы слишком вольным толкованием Устава, который является, если можно так выразиться, основной конституцией Организации Объединенных Наций и конституцией, на основании которой также действует Международный Суд. Мы считаем, что пока в Уставе со всей ясностью не будет сказано, что в спорных случаях такому органу, как Международный Суд, предоставляется

право толкования Устава, нам необходимо придерживаться ограниченного толкования положений и под словами «любой юридический вопрос» не подразумевать толкование Устава.

В некоторых—относительно не во всех странах—верховные суды имеют право толковать конституцию обычно путем вынесения решения относительно соответствия данного вопроса конституции и законодательным актам. В таких случаях это право обычно ясно выражено в конституциях таких стран. Могу по аналогии доказывать и утверждать, что поскольку ничего подобного никак не предусмотрено, то это, несомненно, должно означать, что авторы Устава, равно как и правительства, которые в то время подписали Устав, не намеревались включить вопрос толкования Устава в юрисдикцию Международного Суда.

Действительно, давайте посмотрим, каковы бы были последствия принятия представленного на наше рассмотрение толкования. Я думаю, что это привело бы к изменению всей структуры Организации Объединенных Наций и поставило бы Международный Суд в положение органа, который в какой-то степени поставлен над другими органами нашей Организации. Это, в частности, может случиться, если мы примем настоящую резолюцию, в которой предлагается время от времени производить пересмотр важных и трудных правовых вопросов, включая толкования Устава.

То, что нам предлагается, не означает, что мы будем обращаться туда спорадически, в случае определенных сомнений, оно предусматривает, что мы будем это делать систематически и периодически каждый год, каждые полгода или в другие, близкие к этим сроки. Если мы примем это предложение, тогда мы действительно поставим Международный Суд в особое, высшее положение в структуре нашей Организации, в положение, которое явно не было предусмотрено Уставом. На этом основании мы сомневаемся не только в нашей правомочности принимать такое решение, но и в политической его целесообразности.

Вчера я выступил по другому вопросу⁴, по вопросу о межсессионном комитете Генеральной Ассамблеи, и я пытался объяснить, что принятие резолюции, учреждающей такой комитет, коренным образом изменит структуру нашей Организации. Я боюсь, что в настоящем предложении снова имеет место попытка изменить структуру Организации путем юридически необоснованного толкования Устава. В одном случае мы создали специальный межсессионный комитет, который не был предусмотрен Уставом; здесь мы хотим дать одному из органов, учрежденному в соответствии с Уставом, некоторые специальные полномочия, которые не были определены и четко предусмотрены этим Уставом.

Относясь с должным уважением к тем членам Правового комитета, которые высказывали мне

⁴ См. 111-е заседание, стр. 27.

ние, противоположное моему, я должен сказать, что подобный акт изменения структуры нашей Организации посредством принятия рассматриваемого предложения не является примером политической мудрости. Мы считаем, что для того, чтобы наша Организация развивалась на здоровой основе, она должна развиваться на основе структуры, предусмотренной Уставом. Мы считаем, что было бы политически весьма неблагоприятно, если бы из политических соображений мы попытались разрушить структуру, заложенную в Сан-Франциско. Я не вижу никакой причины для подобного изменения. Поэтому я предлагаю поправку, текст которой в данный момент имеется у представителей.

Я призываю всех представителей голосовать за эту поправку. В то же время мне хотелось бы от имени моей делегации заявить, что мы будем голосовать за первую резолюцию только в том случае, если будет принята эта поправка.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Слово предоставляется представителю Австралии.

Г-н ЭВАТТ (Австралия) (*говорит по-английски*): Я хочу высказаться по поводу поправки Польши к первой из трех резолюций, содержащихся в докладе, резолюции, которая первоначально была представлена в Комитет делегаций Австралии⁵.

Мне хотелось бы поздравить Докладчика в связи с проделанной им работой по подготовке доклада и его заявлением на Генеральной Ассамблее.

В то же время мне кажется, что г-н Ланге откровенно объяснил Генеральной Ассамблее вопрос о поправке. Представители решат, следует ли изменять решение Комитета, принятое после продолжительной дискуссии и после тщательно изучения Подкомитетом, которому были переданы эти предложения.

Разрешите мне сказать следующее: смысл поправки Польши состоит в том, чтобы исключить из первой резолюции всего одну фразу. Представитель Польши совершенно согласен с тем, что настоящей сессии Генеральной Ассамблеи следует рекомендовать различным органам Организации Объединенных Наций и специализированным учреждениям время от времени пересматривать правовые вопросы, возникающие в ходе их работы,— при условии, что это «сложные и важные» вопросы и вопросы, касающиеся «принципиальных положений»,— и что в таких случаях различным органам согласно Уставу следует обращаться за консультативным заключением по правовым вопросам в Международный Суд. Представитель Польши не возражает против этого. Он возражает — и в своей поправке стремится исключить соответствующие слова — против предусматриваемых данной рекомендацией пол-

номочий, то есть против включения в эти правовые вопросы таких вопросов, которые связаны с толкованием Устава Организации Объединенных Наций или уставов специализированных учреждений. Конечно, это как раз те вопросы, которые придется решать различным органам. Эти вопросы не будут обычными правовыми вопросами — трудными, важными и способными затронуть принципиальные положения.

Вопросы, постоянно возникающие в некоторых органах, касаются толкования и применения Устава, так что, хотя поправка Польши по форме является лишь поправкой, ее принятие Генеральной Ассамблеей практически уничтожило бы цель первой резолюции.

Представитель Польши делит свою аргументацию на две части. Он спрашивает: «Можем ли мы делать это; имеем ли мы право обращаться в Суд за консультативным заключением по вопросу толкования Устава?». Во-вторых, он спрашивает: «Целесообразно ли делать это?»

Я совершенно определенно могу сказать, что мы имеем право делать это и что вполне уместно сделать эту рекомендацию, оставляя, конечно, право за каждым органом Организации Объединенных Наций поступать так, как он считает нужным в каждом отдельном случае.

Таким образом, во-первых: имеем ли мы право делать это? Статья 96 Устава гласит, что Генеральная Ассамблея или Совет Безопасности могут запрашивать от Международного Суда консультативные заключения — по какому? — по любому юридическому вопросу. В ней не содержится никаких ограничений в отношении юридического вопроса. Почему же ее следует истолковывать, исключая вопросы, касающиеся толкования Устава Организации Объединенных Наций?

Фактически статья 103 Устава является высшим законом Организации Объединенных Наций, потому что статья 103 гласит: «В том случае, когда обязательства Членов Организации по настоящему Уставу окажутся в противоречии с их обязательствами по какому-либо другому международному соглашению, преимущественную силу имеют обязательства по настоящему Уставу». Поэтому Устав является не только юридической мерой обязательств тех государств, которые являются членами Организации Объединенных Наций, но и высшим законом. Любое другое несовместимое с Уставом международное соглашение должно подчиниться Уставу.

Статья 36 Статута Международного Суда, на которую ссылался г-н Ланге, предусматривает, что юрисдикция Суда в спорах юридического характера включает такие вопросы, как толкование договора. Наиболее ярким примером многостороннего договора является сам Устав Организации Объединенных Наций, и толкование этого Устава, как я представляю, очевидно, является правовым вопросом. Поэтому, в соответствии со статьей 96 Устава, для Генеральной Ассамб-

⁵ См. документ А/С.6/165.

лен, Совета Безопасности или какого-либо другого органа Организации Объединенных Наций или любого другого специализированного учреждения, уполномоченного Генеральной Ассамблеей, было бы вполне с юридической точки зрения правомочным запрашивать Международный Суд в отношении толкования Устава.

Я полностью разделяю точку зрения Докладчика по вопросам права. Разрешите отметить, что делегация Союза Советских Социалистических Республик в распространенном среди членов Генеральной Ассамблеи документе A/474 представила в наше распоряжение доклад специального комитета юристов, который занимался этой проблемой в Сан-Франциско. Они занимались изучением этого же самого вопроса и записали в данном документе: «Подобным же образом Генеральная Ассамблея или Совет Безопасности при соответствующих обстоятельствах всегда имеют возможность обратиться в Международный Суд за консультативным заключением в отношении толкования какого-либо положения Устава».

Именно это юридическое положение, о котором идет речь в настоящий момент, было рассмотрено этим подкомитетом, состоящим из выдающихся юристов, после чего были одобрены положения Устава. Этот документ, таким образом, совершенно ясно показывает, что право различных органов Организации Объединенных Наций обращаться с просьбами в отношении толкования Устава является признанным.

Затем г-н Ланге переходит ко второму пункту: следует ли нам делать это? Он опасается — и я не знаю, почему ему следует опасаться, — что Суд может стать органом, стоящим выше других органов Организации Объединенных Наций. Имеются ли основания для подобных опасений? В конце концов Суд, состоящий из пятнадцати юристов, избирается Советом Безопасности и Генеральной Ассамблеей, и если какой-либо орган наделен полномочиями давать юридическое заключение по толкованию международного официального документа, международного договора или данного Устава, то такой орган для данной деятельности, безусловно, является самым компетентным юридическим органом в мире. Этого нельзя отрицать.

Рассматриваемая проблема теперь принимает такую форму: время от времени возникают вопросы, которые являются важными и сложными; они вызывают принципиальные вопросы, оказывающие влияние на действия этих соответствующих органов. Почему же они не должны иметь возможности и, при определенных обстоятельствах, обязанности обращаться к некоторым компетентным органам за заключением по юридическому толкованию Устава?

Данная Генеральная Ассамблея и особенно Первый комитет много раз обсуждали вопросы, в связи с которыми возникали острые расхождения во мнениях относительно толкования Устава.

Все, что предпринято, по мнению одних, является нарушением Устава, по мнению других — полностью соответствует Уставу.

Кто же должен вынести решение? Совершенно верно, что в обычной административной деятельности каждого органа Генеральная Ассамблея решает такие вопросы или, не решая их, принимает определенные меры и продолжает свою работу.

Это же можно сказать относительно различных советов, таких как Совет Безопасности и другие органы. Вопрос внутренней юрисдикции снова и снова поднимается в Совете Безопасности, и, конечно, Совету Безопасности в определенной степени поможет, если подобные вопросы периодически будут рассматриваться в целях выяснения возможности получения необходимых разъяснений у Международного Суда, касающихся толкования Устава и его применения при разрешении определенных проблем, периодически возникающих в этом органе или в органах Генеральной Ассамблеи.

Когда выносятся решения, оно является чисто консультативным. Предусматривается, что оно не должно быть приказом, обязательным для всех. Это — консультативное заключение, предоставляемое тому органу, который за ним обращается. Оно не навязывает мероприятий. Это решение было бы выражением мнения всемирного верховного юридического органа по вопросам международного права. Я полагаю, что это помогло бы Организации Объединенных Наций в ее работе. Во всяком случае занимавшийся этой проблемой Комитет после самого тщательного рассмотрения высказал мнение, что, во-первых, Суд компетентен осуществлять эту функцию, и, во-вторых, осуществление ее целесообразно с точки зрения интересов Организации Объединенных Наций.

Я полагаю, что это не является предложением, направленным на решение какой-либо определенной проблемы или обращающим внимание на что-либо, подлежащее рассмотрению Генеральной Ассамблеи, или чем-нибудь в этом роде. Это — просто рекомендация, предлагающая различным органам периодически изучать положение в этой области, и если имеются правовые вопросы, в том числе вопросы, возникающие в связи с Уставом и его толкованием, являющиеся сложными, важными и касающимися принципиальных положений, то они как раз и являются классическими примерами таких случаев, когда совет был бы ценным для органов и для Организации Объединенных Наций.

После самого тщательного рассмотрения Комитет отклонил поправку Польши тридцатью девятью голосами против семи; основное предложение, изменение которого она предусматривала, было принято значительным большинством. Я считаю, что нам следует на данной Ассамблее поддержать точку зрения Комитета и одобрить эту рекомендацию. Я хотел бы еще раз выразить признательность Докладчику за ту четкость, с

которой он изложил вопрос Генеральной Ассамблеи.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Слово предоставляется представителю Ирана.

Г-н АБДОХ (Иран) (*говорит по-французски*): После разъяснений, которые были нам сделаны Докладчиком, и очень веского заявления представителя Австралии относительно поправки Польши и первой резолюции, содержащейся в документе А/459, мне, право, нечего добавить. Действительно, мы поддерживаем три резолюции, содержащиеся в этом документе.

Чтобы не затягивать прения, я позволю себе лишь дать несколько пояснений и сделать краткое заявление по третьей резолюции, первоначальным автором которой является делегация Ирана.

Эта резолюция обращает внимание государств, еще не принявших обязательную юрисдикцию Международного Суда, на нецелесообразность того, чтобы возможно большее число государств приняло эту юрисдикцию с возможно меньшим числом оговорок. Она также обращает внимание государств — членов Организации Объединенных Наций на желательность включения в текст договоров и конвенций положений о третейском разбирательстве, предусматривающих обращение в Международный Суд в случае споров, которые могут возникнуть из толкования и применения вышеуказанных договоров и конвенций. Наконец, она рекомендует государствам — членам Организации Объединенных Наций, как общее правило, передавать Международному Суду их споры правового характера.

С этой целью делегация Ирана представила Шестому комитету проект (документ А/С.6/164), который послужил основой для дискуссии и результатом которого является рассматриваемый нами проект резолюции.

Вопрос о том, должна ли юрисдикция Суда быть обязательной для всех членов Организации Объединенных Наций или она может быть факультативной, обсуждался еще на Конференции в Сан-Франциско. На Конференции большинство высказалось за обязательную юрисдикцию Суда, это заключение можно сделать из доклада Комитета IV, представленного Генеральной Ассамблеей на Конференции в Сан-Франциско.

Делегация Ирана была среди тех, кто хотел, чтобы юрисдикция Суда была обязательной; она стремилась добиться принятия этой точки зрения. Подобное же стремление было выражено подавляющим большинством делегаций; если наши усилия оказались безрезультатными, то это потому, что некоторые государства, участие которых в поддержании мира и безопасности было исключительно важным, в то время не могли поддержать эту точку зрения.

Делегация Ирана предложила, таким образом, проект резолюции, отразивший ощущавшееся на

Конференции в Сан-Франциско общее мнение о целесообразности признания юрисдикции Международного Суда обязательной, текст которого гласил:

«...Конференция Объединенных Наций рекомендует членам Организации возможно скорее сделать заявления о том, что они признают обязательной юрисдикцию Международного Суда в соответствии с положениями статьи 36 Статута»⁶.

Этот проект резолюции был принят Конференцией в Сан-Франциско на заседании, состоявшемся 15 июня 1945 года.

Хотя эта резолюция выражала желание значительного большинства членов Организации Объединенных Наций, мы тем не менее все еще далеки от того, чтобы решать юридические разногласия путем обращения в Международный Суд.

Делегация Ирана, отметив с сожалением эту тенденцию, решила представить новый проект резолюции в Шестой комитет настоящей Ассамблеи аналогичного, но более широкого содержания на основе следующих соображений:

1. Мы подсчитали, что с 1922 года по 1940 год Постоянная палата международного правосудия имела возможность принять решение по тридцати двум международным спорам, а также дала консультативное заключение по двадцати семи правовым проблемам. Кроме того, обязательность юрисдикции Постоянной палаты международного правосудия признавалась сорока пятью государствами. С другой стороны, Международный Суд до сих пор рассмотрел лишь один вопрос, и двадцать восемь государств признают обязательность его юрисдикции или до сих пор связаны факультативной клаузулой Постоянной палаты международного правосудия. Все это тем более достойно сожаления, что Международный Суд, в отличие от Постоянной палаты международного правосудия, является частью Организации Объединенных Наций.

2. Из многих статей Устава легко сделать заключение, что всем государствам при разрешении вопросов юридического характера следует обращаться в юридический орган Организации Объединенных Наций, то есть в Международный Суд. Эта мысль высказана в преамбуле к Уставу, в которой народы Объединенных Наций провозглашают, в частности, что они преисполнены решимости «...создать условия, при которых могут соблюдаться справедливость и уважение к обязательствам, вытекающим из договоров и других источников международного права...».

В пункте 1 статьи 1 Устава проводится та же идея следующим образом: «...в согласии с принципами справедливости и международного права...».

⁶ См. *Документы Конференции Объединенных Наций по созданию Международной организации*, отчет второго заседания Комитета IV, документ 1007, IV/12, стр. 9 англ. текста.

Пункт 3 статьи 36 отражает ту же идею следующим образом:

«Делая рекомендации на основании настоящей статьи, Совет Безопасности принимает также во внимание, что споры юридического характера должны, как общее правило, передаваться сторонами в Международный Суд в соответствии с положениями Статута Суда».

3. Не может быть никакого сомнения, что справедливыми решениями споров юридического характера являются те решения, которые даются органом, являющимся, главным образом, судебным органом. Решение, вынесенное политическим органом, никогда не будет убедительным для стороны, дело которой носит юридический характер.

Кроме того, юридическое решение обязывает стороны не только в юридическом, но и в моральном отношении гораздо сильнее, чем политические решения, в которых одна из сторон или даже обе стороны часто считают, что с ними обошлись несправедливо. И действительно, решения, вынесенные политическими органами, иногда могут быть несправедливыми, неудовлетворительными и даже произвольными.

Однако мы слишком реалистичны, чтобы поверить, что в наши дни Международный Суд сможет найти решение по всем спорным вопросам. К несчастью, мы еще не достигли этого. Современная международная обстановка совсем не внушает надежд на то, что судебный орган Организации Объединенных Наций является единственным органом, компетентным разрешать международные спорные вопросы.

Мы считаем, однако, что даже при разрешении политических вопросов, имеющих юридическую сторону, было бы лучше использовать Международный Суд; это значительно облегчило бы разрешение таких спорных вопросов.

4. Далее, мы считаем, что передача международных спорных вопросов юридического характера в Международный Суд значительно повысила бы престиж Организации Объединенных Наций. В результате частого обращения в Суд государства — члены Организации Объединенных Наций прониклись бы все возрастающей верой в Организацию Объединенных Наций, ибо они знали бы, что если их права игнорируются, то они могут обратиться в Суд и восстановить справедливость. С другой стороны, они также знали бы, что если будет предпринята попытка нарушить закон, то имеется судебный орган, который заставит уважать закон и справедливость.

Принимая во внимание эти соображения, а также тот факт, что четыре из пяти великих держав уже признали обязательность юрисдикции Суда, мы можем надеяться, что государства, еще не заявившие о признании обязательности его юрисдикции, сделают это в ближайшем будущем.

Таковы причины, побудившие нас представить

проект резолюции (документ А/С.6/164), который послужил основой для обсуждения в Шестом комитете и превратился в объединенный франко-иранский проект, являющийся основой третьей резолюции, содержащейся в документе А/459, который в настоящий момент рассматривается Генеральной Ассамблеей.

Призывая вас голосовать за него, я в то же время обращаюсь ко всем представителям на этой Ассамблее с просьбой убедить свои правительства содействовать проведению в жизнь этой резолюции, после того как она будет принята.

В заключение я хотел бы выразить надежду, что путем практического применения данной резолюции будет признана фактически, если не в законодательном порядке, обязательность юрисдикции Международного Суда, что соответствует интересам Организации Объединенных Наций и в огромной степени будет способствовать поддержанию мира и безопасности во всем мире.

Таким образом, с постепенным признанием обязательности юрисдикции Международного Суда придет день, когда, пересматривая Устав, мы просто включим в него фактически осуществленную идею, то есть обязательность юрисдикции Международного Суда.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Слово предоставляется представителю Коста-Рики.

Г-н ФУРНИЕР (Коста-Рика) (*говорит по-испански*): Делегация Коста-Рики полагает, что в целях сокращения времени и повышения эффективности работы на пленарных заседаниях Генеральной Ассамблеи не следует повторять аргументы, уже выдвигавшиеся на заседаниях комитетов, и тем более снова вносить предложения, отклоненные комитетами, такие, например, как эта поправка Польши. Я считаю, что только при наличии существенных разногласий вопрос следует поднимать на пленарных заседаниях, если подобный шаг окажется необходимым для определения нашей юриспруденции или если он будет указывать направление, которого должна придерживаться Организация Объединенных Наций для достижения лучшего будущего по сравнению с современной действительностью.

Выступление, которое я собираюсь сделать, относится к этой категории. Оно основано на включенном в доклад заявлении представителя Колумбии г-на Йепеса, видного юриста-международника, с которым моя делегация согласна. о том, чтобы третья рекомендация Генеральной Ассамблеи государствам — членам Организации Объединенных Наций не содержала каких-либо ограничений, касающихся характера передаваемых в Международный Суд вопросов, с тем чтобы на заключение Суда передавались споры не только правового характера, но и любого другого вида, как это отмечалось в докладе Докладчика.

Предложение, принятое Шестым комитетом,

является полезным, ибо оно поощряет обращение в Международный Суд. Это единственное средство для достижения окончательного урегулирования споров, возникающих между государствами или даже между различными органами Организации Объединенных Наций, а также для установления точного толкования любого юридического положения, по которому могут возникнуть сомнения или разногласия. По этой причине моя делегация поддержала резолюцию, представленную делегацией Австралии и принятую Шестым комитетом.

Обращаться в специальный юридический орган, имеющийся в распоряжении Организации Объединенных Наций, необходимо не только потому, что это дело представляет практический интерес для разрешения вопросов, которые иначе могут остаться неразрешенными и могут стать причиной трений и даже конфликтов между странами, но также и потому, что это желательно в целях обеспечения развития принципов международного права в ясной и конкретной форме.

Республика Коста-Рика всегда придерживалась взгляда, что мир и справедливость во всем мире могут восторжествовать только тогда, когда все государства возьмут на себя обязательство обращаться в Международный Суд при любом затруднении или разногласии с другими государствами; это обязательство должно приниматься без каких-либо оговорок. Другие страны ограничивают это обязательство, исключая вопросы политического характера, ущемляющие их суверенитет или жизненно важные интересы. Но подобного ограничения не следует допускать, потому что оно может служить оправданием для любого правительства при навязывании своего собственного решения, независимо от доводов и прав других заинтересованных сторон.

В своем ответе на вопрос по предложениям, выдвинутым в Думбартон-Оксе, правительство Коста-Рики высказало свое пожелание пересмотреть текст статьи 33 Устава, придав ему более обязывающий и абсолютный смысл, который бы обязывал государства ни в каком случае не применять силу и обращаться в арбитраж или Международный Суд при любых возникших с другим государством трениях, если нельзя их разрешить непосредственно. Применение силы в международных вопросах может быть окончательно исключено только такими средствами. История государств показывает, что отказ от применения силы в пользу соблюдения индивидуальных прав достигался только при помощи использования судебных методов разрешения индивидуальных споров.

Кроме разногласий по поводу границ с северными и южными соседями, которые сейчас успешно урегулированы, Коста-Рика принимала участие в двух международных спорах и в обоих случаях закончила их в свою пользу. Последний спор, участником которого было также Соединенное Королевство, закончился актом, который здесь необходимо отметить. Посланник Соеди-

ненного Королевства в Коста-Рике устроил прием в честь урегулирования конфликта, показав таким образом, что английский народ может не только с уважением, но и с достоинством склониться перед величием закона.

Со времени Панамериканской конференции, состоявшейся в Гаване в 1928 году, Коста-Рика выступала с поддержкой оговорки, высказанной правительством Колумбии, которое указало на необходимость для всех цивилизованных стран взять на себя обязательство выносить все спорные вопросы, без оговорок в отношении политических вопросов или жизненных интересов, на решение постоянно действующих или специальных *ad hoc* трибуналов. Таким образом, это не только чисто теоретическое положение, но и идеологическая и практическая тенденция внешней политики Коста-Рики.

Не может быть никаких сомнений в том, что авторитетное толкование юридических положений лучше всего поручать органу, техническая подготовка которого специально соответствует выяснению того, что имел в виду законодатель.

Устав не делает никаких конкретных заявлений по этому вопросу. Он наделяет Международный Суд правом разрешать спорные вопросы между государствами и давать консультативное заключение по вопросам, передаваемым ему органами Организации Объединенных Наций. Таким образом, Суд является единственным органом, компетентным разрешить любое сомнение или разногласие, касающееся толкования любого положения Устава, поскольку в последнем не содержится каких-либо ограничений вопросов, которые может рассматривать Международный Суд.

Это явно вытекает не только из письменных положений, но и из органической концепции любого политического сообщества, из природы основных элементов государственной власти. Разделение власти, проводившееся Монтескье, было основано не на капризе, а на ясном понимании природы правительства. Оно является логическим выводом из самой жизни, основанным на случаях, в которых проявляется деятельность каждой из трех классических властей, и на характере их действий.

Существуют три стадии в действиях каждого сознательного существа: во-первых, размышление, когда взвешиваются обстоятельства, принимаются во внимание цели и целесообразность и выбирается из имеющихся подходящий способ действия; во-вторых, активная воля, исполнение и позитивное действие; и, в-третьих, критический разбор, дающий оценку предпринятым действиям. Первая стадия предшествует действию, последняя следует за ним. То же происходит и с государствами. Законодательная власть или парламент обсуждают, исполнитель выполняет, судебная власть критикует. По этой причине один американский мыслитель коротко, но веско так определил функцию каждой упомянутой власти:

законодательная власть говорит, каким должен быть закон, после того как обсуждение закончено; исполнительная власть говорит, каков есть закон в его применении — это акт воли; и судебная власть говорит, каким является закон в связи с определенными фактами — это акт критического разбора.

Вот почему мы думаем, что обязанностью Международного Суда является определение значения основных принципов Устава. Толкование юридических положений должно быть поручено экспертам, которые не только обладают специальными знаниями и, прежде всего, необходимым для такой деликатной задачи гибким мышлением, но и проникнуты присущим профессии судьи чувством ответственности.

Конституции многих республик, в том числе Соединенных Штатов Америки и Коста-Рики, возлагают на Верховный Суд ответственность за толкование конституционных правил, которые он осуществляет, объявляя закон или постановление неприемлемыми, поскольку они находятся в противоречии с конституцией.

Вследствие этого делегация Коста-Рики просит, чтобы данное заявление было включено в отчет, и поддерживает содержащуюся в докладе резолюцию (без поправки, предложенной делегацией Польши и отвергнутой Шестым комитетом), выражая надежду, что сфера этой резолюции будет расширена. Мы надеемся, что в будущем это будет сделано в интересах международного мира, который может быть упрочен только на основе справедливости и отказа от применения силы в разрешении спорных вопросов.

Г-н Аранья покидает председательское место и его заменяет г-н Чжан (Китай).

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (говорит по-английски): Слово предоставляется представителю Колумбии.

Г-н ЙЕПЕС (Колумбия) (говорит по-французски): Прежде всего, мне хотелось бы выразить благодарность за исключительно лестные высказывания в адрес моей страны и в отношении меня лично, сделанные представителем Коста-Рики в той блестящей речи, которую мы только что заслушали.

Вопрос, который мы сейчас рассматриваем, подробно обсуждался в Шестом комитете и предполагалось, что это обсуждение не будет продолжаться на пленарном заседании Генеральной Ассамблеи. Но поскольку вопрос опять поднят, делегация Колумбии хотела бы объяснить свою позицию, как она это уже сделала в Шестом комитете.

Я хотел бы сказать, что мы согласны не со всеми положениями, принятыми Шестым комитетом и включенными в доклады, которые мы обсуждаем в настоящий момент. Однако уважение, которое мы питаем к решениям большинства, не позволит нам вернуться к вопросам, которые уже

разрешены, но не так, как нам бы хотелось, и мы демократически принимаем решения большинства Комитета. Так мы понимаем работу комитетов Генеральной Ассамблеи и роль делегаций, принимающих участие в дискуссиях в комитетах и подкомитетах. Основным законом всякой организованной демократии и любой парламентской ассамблеи является подчинение воле большинства, ибо несмотря на то, что в исключительных случаях меньшинство может оказаться правым, в политических и социальных вопросах обычно оказывается правым большинство, это — непреложный закон истории.

Совсем по-другому дело обстоит с научными проблемами; возьмем к примеру историю Галилея, которую вчера здесь приводил наш коллега, представитель Украинской ССР; я имею в виду моего выдающегося друга, г-на Мануильского, которым я восхищаюсь и которого глубоко уважаю.

Если не признавать закона большинства в политических и социальных вопросах, то это с фатальной неизбежностью приводит к тирании безответственной олигархии. Это послужило одной из причин, побудившей нас принять доклад Шестого комитета, хотя в Комитете мы и не голодали за доклад в целом. Кроме того, у нас есть и другие веские основания юридического порядка, чтобы выступать против предложения польской делегации.

Международный Суд является выдающимся судебным органом Организации Объединенных Наций, органом, который компетентен принципиально разрешать юридические спорные вопросы. Об этом черным по белому записано в статье 36 Статута Суда. Эта же самая статья прежде всего упоминает толкование договоров, как один из основных вопросов, входящих в компетенцию Суда. Все государства — члены Организации Объединенных Наций подписались под этой статьей. Поэтому мы вполне естественно испытываем некоторое удивление, когда нам сегодня предлагают отказаться от такой статьи, как эта, которую мы все приняли в Сан-Франциско. Устав Организации Объединенных Наций в основе своей является договором, правда, договором высшего типа, договором конституционного характера; но по существу это — не что иное, как договор. То же самое относится к уставам специализированных учреждений. Почему же тогда говорят, что Суд якобы не компетентен истолковывать различные положения договора, если заинтересованные стороны просят его об этом? Если занять подобную позицию, то это было бы печальным отступлением от положения, уже содержащихся в Уставе.

Страна, подобная моей, полагающая, что компетенция и юрисдикция Международного Суда должны как можно более расширяться до тех пор, пока Суд не станет высшей инстанцией, обязательной для всех членов Организации Объединенных Наций при решении международных

спорных вопросов, не может обойти молчанием подобное искажение компетенции Суда.

Более того, статья 96 Устава специально оговаривает, что Генеральная Ассамблея, Совет Безопасности и специализированные учреждения могут запрашивать у Международного Суда консультативные заключения по любому юридическому вопросу. Классическим примером вопросов, которые Генеральная Ассамблея, Совет Безопасности и специализированные учреждения могут выносить на рассмотрение Суда для получения консультативного заключения в соответствии с положениями статьи 96 Устава, является толкование какой-либо статьи Устава ООН или уставов специализированных учреждений.

Статья 65 Статута Международного Суда гласит, что суд может давать консультативное заключение по любому юридическому вопросу по просьбе любого органа или учреждения, которые уполномочены Уставом Организации Объединенных Наций или выступают с такими просьбами в соответствии с ним. Отрицание этой компетенции Суда, которое содержится в польском предложении, означало бы явное нарушение буквы и духа Устава Организации Объединенных Наций, буквы и духа Статута самого Суда; оно означало бы внесение косвенным путем самой неудачной поправки в Устав. Вот почему делегация Колумбии считает своим долгом заявить, что она будет голосовать против предложения Польши.

Нужно еще раз напомнить, что это предложение представляет собой неприемлемый шаг назад, потому что вместо расширения компетенции Международного Суда оно ее ограничивает; эта резолюция далека от современных доктрин права, в соответствии с которыми все спорные вопросы должны разрешаться при помощи международного права.

В заключение я хотел бы от имени делегации Колумбии обратиться к Ассамблее с настоятельным призывом отклонить это регрессивное предложение, которое представило бы Организацию Объединенных Наций в неправильном свете. Подобное предложение увело бы нас в сторону от пути, на котором Международный Суд сможет применить право, чтобы положить конец хаосу и анархии, господствующим в настоящее время в международном плане.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Слово предоставляется представителю Союза Советских Социалистических Республик.

Г-н ВЫШИНСКИЙ (Союз Советских Социалистических Республик): Вопрос, который стоит сейчас перед Ассамблеей, представляет, несомненно, большой интерес и не только с теоретической стороны, но и со стороны практической. Этот вопрос выходит вместе с тем далеко за пределы юридической компетенции, потому что, в сущности говоря, вопрос, который поставлен перед нами по первой резолюции Шестого комитета, сводится к тому, чтобы не только уточнить то, что сказано в Уставе о функциях Междуна-

родного Суда, но чтобы определить его компетенцию, что становится более важным, по отношению к другим главным органам Организации Объединенных Наций и, в первую очередь, по отношению к Генеральной Ассамблее и Совету Безопасности.

Если это так, то в таком случае, разумеется, данный вопрос выходит за пределы обычного юридического или правового спора и приобретает большое политическое значение. На этой сессии Генеральной Ассамблеи мы, к сожалению, не раз уже сталкивались с попытками некоторых делегаций подвергнуть Устав Организации Объединенных Наций ревизии, чтобы приспособить его к тем своим задачам и целям, которые очень часто расходятся с задачами и целями Организации Объединенных Наций.

Принципы, заложенные в Уставе Организации Объединенных Наций, очевидно, не всех сейчас устраивают в должной мере. Наоборот, для некоторых делегаций они превращаются в своего рода помеху, в препятствие для решения тех задач, которые не совпадают с задачами Организации Объединенных Наций. В частности, эти делегации столкнулись с препятствием в виде правил главы XVIII Устава, в которой указано, каким путем можно было бы подвергнуть Устав пересмотру или изменению. Мы рассматриваем данный случай как один из тех показателей такого рода политики, которая ведется за последнее время в Организации Объединенных Наций, которая сводится к тому, чтобы под видом поправок и резолюций всякого рода попытаться изменить Устав в том направлении, какое окажется необходимым или важным для тех или других представленных здесь делегаций. Не будучи в состоянии, а может быть, считая это просто затруднительным и слишком хлопотливым изменять Устав с соблюдением установленной процедуры и ставить вопросы об изменении Устава или тех или других его частей, эти делегации, представляющие соответствующие правительства, считают, очевидно, гораздо более удобным прибегнуть к разного рода обходным способам и обходным маневрам. Вместо того, чтобы изменить Устав, пытаются принять частные решения или частную рекомендацию по какому-либо вопросу, кажущемуся отвлеченным и специфическим, как это часто бывает с юридическими вопросами, и путем такого частного решения провести необходимые изменения на практике без того, чтобы внести соответствующие изменения в Устав. Это я должен сказать, чтобы определить ту исходную позицию, с которой советская делегация рассматривает и австралийский проект, видя в нем попытку путем частного решения, которое предлагается здесь принять в соответствующей резолюции А/С.6/165, фактически внести серьезное изменение в обход Устава в практику Организации Объединенных Наций.

В самом деле, в этом проекте резолюции предлагается, чтобы Генеральная Ассамблея рекомендовала органам Организации Объединенных Наций и специализированным учреждениям пе-

риодически пересматривать трудные и важные вопросы права, относящиеся к компетенции Международного Суда, в частности вопросы права, относящиеся к толкованию Устава Организации Объединенных Наций или уставов специализированных учреждений; рекомендуется запрашивать у Международного Суда консультативные заключения по одобренным таким образом вопросам. Таким образом, австралийской резолюцией предлагается предоставить Международному Суду право толковать Устав Организации.

Советская делегация считает это неправильным. Советская делегация целиком согласна с польской делегацией, возражающей против этого предложения. В данном случае получается как раз обратное тому, о чем говорили здесь вчера, в частности г-н Даллес,— не польская делегация механически следует за Советским Союзом, а советская делегация следует за польской делегацией, конечно, не механически, как и польская делегация делает это не механически, а по всей своей совести и по всему своему чистому разуму.

Так вот я говорю, что советская делегация считает позицию польской делегации правильной и поддерживает польскую делегацию. Правильной потому, что, как и польская делегация, мы, советские делегаты, считаем, что Международный Суд не имеет права по Уставу заниматься толкованием Устава. Здесь уже приводилась историческая справка о специальной комиссии, состоявшей из представителей компетентных государств,— если я не ошибаюсь, это были Соединенные Штаты Америки, Англия, Франция, Бельгия, Норвегия и Югославия, которые все согласились на определенных принципиальных положениях, какие нашли свое отчетливое выражение в их докладе, известном под № 887 от 9 июня 1945 г. Этот доклад наша советская делегация распространила среди всех делегаций. Поэтому я на него могу здесь только сослаться, не цитируя его подробно. Но я не могу не сказать, что этот доклад представляет большой принципиальный интерес как с юридической, так и с политической точки зрения.

К чему сводились в то время выводы и предложения, сформулированные представителями этих стран в только что мною отмеченном докладе юридического подкомитета? Эти предложения сводились, во-первых, к тому, чтобы каждый орган Организации Объединенных Наций — Генеральная Ассамблея, Совет Безопасности и т. д.— сам толковал Устав в процессе его применения, в процессе осуществляемой им практики. Кто применяет Устав, тот и толкует Устав. Что означает эта формула? Для каждого юриста эта формула элементарна. Для того чтобы применять Устав, нужно его понимать. Для того чтобы его понимать, нужно в нем разобраться применительно к практической обстановке. Следовательно, кто призван применить Устав, тот должен его правильно понять, должен правильно истолковать, ибо в данном случае, как

и в других, понимание — равнозначно истолкованию. Совершенно естественно, и так бывает во всей судебной практике любого государства, что если суд должен применить какую-нибудь статью уголовного кодекса, то он не может это сделать, если он не понимает этой статьи или неправильно ее толкует.

Странно было бы думать, чтобы судья, применяющий уголовный кодекс по тем или другим практическим случаям жизни, был бы лишен права истолковывать его так, как он его понимает. Поэтому естественно, что тот, кто исполняет Устав, тот его и толкует, ибо без этого нельзя правильно его применять. И вот та комиссия, о которой я сейчас говорил, совершенно правильно сформулировала этот принцип, который является единственно верным и надежным руководством во всякой деятельности. Что она сказала? Она сказала, что кто применяет Устав, тот и толкует Устав. Но как же быть в таком случае, если при применении Устава различными органами возникнет какая-то коллизия? И на этот вопрос комиссия ответила, что в таком случае они, эти органы, которые столкнулись в том или другом понимании той или другой статьи Устава, могут обращаться за консультативным заключением или к Международному Суду, или к комитету юристов *ad hoc*, или к специально создаваемой по этому вопросу конференции. Эта комиссия наметила три таких способа. Если мы обратимся теперь к резолюции австралийской делегации, то оказывается, что в ней предпочтение отдается только одному способу, а именно обращению за консультацией к Международному Суду. Все остальные способы в ней даже не упоминаются. Это дает право считать, что, по мнению австралийской делегации и всех делегаций, которые поддерживают ее проект, преимущество в способе решения коллизионных вопросов отдается обращению к Международному Суду. Это одна сторона дела. Советская делегация считает, что это неправильно.

Но в этом деле есть и другая сторона, более принципиальная, а именно: вправе ли мы, как это предлагается австралийской резолюцией, предоставлять Международному Суду толкование Устава Организации Объединенных Наций? Мы считаем, что это неправильно. Позвольте изложить вкратце наше соображение и по этому вопросу.

Большинство Шестого комитета, приняв позицию австралийской резолюции, тем самым поддержало те предложения, которые направлены на то, чтобы Международному Суду предоставить право толковать Устав. И таким образом, в сущности говоря, во всех тех случаях, когда будет идти речь о понимании того или другого пункта Устава со стороны Генеральной Ассамблеи или Совета Безопасности, Международный Суд будет поставлен над Генеральной Ассамблеей и над Советом Безопасности.

В самом деле, что означает предоставление Международному Суду права толкования Уста-

ва? Каковы будут последствия того, что Международный Суд будет давать толкование Устава? Это означает то, что Генеральная Ассамблея должна будет принять толкование, данное Международным Судом, как обязательное для себя. Такое направление и дается, в сущности говоря, авторами австралийской резолюции; или же, наоборот, она должна будет отвергнуть толкование Международного Суда. Если, получив толкование Международного Суда, или, другими словами, его консультативное заключение по некоторым вопросам, связанным с толкованием Устава, Генеральная Ассамблея отклонит это толкование вследствие своего несогласия с Международным Судом, тогда возникнет вопрос, почему, в таком случае, Генеральная Ассамблея обращалась в Международный Суд? Почему она обращалась в Международный Суд, если она не согласна с его толкованием и считает его неправильным? Если Генеральная Ассамблея считает, что она, в конечном счете, способна решить, являются ли рекомендации или толкование Международного Суда правильными или нет, то в таком случае, конечно, нет необходимости обращаться в Международный Суд. Тогда было бы вполне достаточно обратиться с этим вопросом к какому-нибудь *ad hoc* комитету юристов, который, конечно, гораздо меньше бы пострадал от дискредитации, чем Международный Суд, если бы его мнение заслушали, но не приняли во внимание. Говорят, что в давние времена в Турции система была такова, что судья заслушивал свидетелей, однако действовал прямо противоположно их показаниям. Я думаю, что подобная система сохраняется в ряде стран, все еще находящихся на той примитивной стадии в развитии юстиции, которая характеризует всю историю человечества и историю цивилизации и юриспруденции в различных странах. Мы, однако, не можем поставить себя в положение турецкого судьи по отношению к Международному Суду или поставить Суд в положение довольно ненадежного свидетеля.

Таким образом, если Генеральная Ассамблея обращается в Международный Суд за заключением или за толкованием некоторых статей Устава, а затем отвергает это толкование, то все это будет дискредитировать Международный Суд и, мне кажется, также Генеральную Ассамблею. Второй случай — это если Генеральная Ассамблея согласится с толкованием Суда. В таком случае Генеральная Ассамблея будет явно дискредитирована. Придется признать, что Ассамблея менее квалифицирована и компетентна в решении вопросов, по которым Международный Суд разошелся с Ассамблеей. При таких обстоятельствах не было ли бы более последовательным и логичным вообще решение всяких сложных вопросов передавать на предварительное заключение Международному Суду. Зачем же нам, менее квалифицированной Ассамблее, заниматься решением вопросов, которые могут быть лучше решены более квалифицированным органом — пятнадцатью судьями, членами Международного Суда? Вот почему я считаю, что правило, которое австралийская делегация пытается провести

через Генеральную Ассамблею, является несовместимым ни с достоинством Генеральной Ассамблеи, ни с достоинством Совета Безопасности и Международного Суда.

Мы в Шестом комитете через наших представителей возражали против указанной рекомендации, считая, что принятие рекомендации, основанной на австралийском предложении, явилось бы, кроме всего остального, прямым нарушением Устава. В самом деле, какие юридические основания для того, чтобы вводить такое новое правило, как предоставление Международному Суду права толковать Устав? Я вас попрошу назвать мне соответствующую статью Устава. Тут выступал г-н Эватт. Я не слышал, чтобы он называл что-нибудь, кроме статьи 65, кроме статьи 36, кроме статьи, скажем, 96, если я не ошибаюсь. Но ведь, позвольте, в статье 36 говорится о том, что Международный Суд имеет право толкования договоров, а не Устава. Но нам говорят: а разве Устав не есть договор? Конечно, в широком обывательском смысле Устав это есть договор. Но в юридическом смысле разница между Уставом и договором существует. Если бы такой разницы не было, то незачем было бы говорить об Уставе и о договоре отдельно. Между тем такая разница существует. Если Устав и можно назвать договором, то договором особого рода, — то, что называется договор «*sui generis*», и признаком такого особого характера является, во-первых, то, что он оказывается не двусторонним и не трехсторонним, и не пятисторонним, а он является таким многосторонним и всеобъемлющим, который уже теряет свой характер соглашений в обычном смысле этого слова. Наконец, не является ли признаком этого своеобразия такого договора, этого договора «*sui generis*», то обстоятельство, что, например, в Уставе не существует указания, в каком порядке может то или другое государство денонсировать этот договор, что является обязательным признаком, принадлежностью, как говорят юристы, всякого договора. Если вы внимательно прочтете наш Устав, то вы же должны заметить, что в Уставе ООН нет статьи, которая говорила бы о денонсации Устава. Наше отрицательное отношение к предоставлению Международному Суду права толковать Устав вытекает из принципиального отношения к положению Международного Суда как главного органа ООН к другим главным органам ООН. Конечно, вы можете сказать, что ведь все-таки существует статья 65. И вот здесь, даже вчера, голландский представитель, отвечая моему украинскому товарищу, говорил о том, что если статья 36 не дает основания Шоукроссу привлечь Вышинского к Международному Суду, то во всяком случае есть для этого статья 65⁷. Но если он желает пользоваться статьей 65, то есть правом получать от Международного Суда консультацию по юридическим вопросам, то тогда ему вообще ко мне нечего обращаться, потому что если он нуждается в каких-нибудь советах

⁷ См. Официальные отчеты второй сессии Генеральной Ассамблеи, 111-е заседание, стр. 27.

юридических консультантов и специалистов, то пускай он к ним и обращается. Я в этих советах в данном положении не нуждаюсь и поэтому не имею никаких оснований ни принимать вызов Шоукросса, о чем громогласно и торжественно здесь заявил Шоукросс, ни отвергать этот вызов. Я считаю, что он обращен совершенно не по адресу и представляет собой простое сотрясение воздуха.

Таким образом, остается статья 36 Устава, которая совершенно точно определяет компетенцию Международного Суда. Я утверждаю, что в статье 36 Устава не содержится никаких указаний на право Международного Суда заниматься толкованием Устава. Прошу припомнить мнение экспертов в лице Подготовительной комиссии в Сан-Франциско о том, что каждый орган, исполняющий Устав, и толкует Устав. В этой связи можно легко понять, почему в Уставе Организации ничего не сказано о том, что Международный Суд может заниматься толкованием Устава. Так ведь нельзя, кроме того, смешивать толкование Устава с консультацией: консультация, совет — это одно дело, а толкование — другое дело. Одно дело — толковать закон, а другое дело — консультироваться со специалистами или со специальным учреждением по поводу того или другого закона.

Действительно, мы имеем статью 65, которая предоставляет право различным органам обращаться за консультацией к Международному Суду. Но сказано: за консультацией по юридическим вопросам. Значит, если вы теперь на этом основании утверждаете, что Международный Суд имеет право давать консультации по поводу статей Устава, то это должно означать не больше и не меньше, что вы считаете, что толкование статей Устава и самого Устава — это и есть консультация по юридическим вопросам. Но едва ли можно представить себе большее извращение действительного значения тех слов, которые употребляются, чем это допускается в данном случае. Если мы говорим относительно консультации по юридическим вопросам, то надо же иметь в виду, что толкование статей Устава вовсе не является чисто юридическим делом и консультация по юридическим вопросам вовсе не является тем, что называется толкованием Устава.

Возьмем конкретный какой-нибудь пример, аналогичный тем вопросам, которые здесь сейчас ставятся. Вот мы спорим относительно межсессионного комитета, или так называемой малой ассамблеи. Нам говорят, что межсессионный комитет учреждается или учрежден в соответствии со статьей 22 Устава. И теперь г-н Шоукросс предлагает: вы не согласны с этим, вы говорите, что это нарушение Устава, — пойдете в Международный Суд, пусть Международный Суд скажет, нарушили ли мы — Генеральная Ассамблея — Устав или нет. Но это смешная постановка вопроса. Во-первых, не призван Международный Суд решать, права или неправа Генеральная Ассамблея, принимая те или другие решения. Он не призван говорить и то, права или

не права та или другая делегация, возражающая против тех или других решений. Это вовсе не дело Международного Суда, ибо мы здесь собираемся для обсуждения на свободной и равной основе без угрозы привлечения к моральной, юридической или политической ответственности перед каким бы то ни было судом, — пусть это будет хотя бы и Международный Суд. Но дело в том, во-первых, что и по существу толкование Устава не есть юридическое толкование. Если вы спросите: правильно ли применена статья 22 к межсессионному комитету, то что же на это могут ответить юристы? Они скажут: статья 22 говорит о том, что Генеральная Ассамблея имеет право учреждать вспомогательные органы. Генеральная Ассамблея считает, что вот этот комитет есть вспомогательный орган. Следовательно, никаких нарушений статьи 22 нет. Вот как будет рассуждать юрист. Но политик будет рассуждать иначе. Он скажет, что формально вы действительно можете сослаться на статью 22, но это формальное пользование вашим правом и формальное применение этой самой статьи политически неправильно, это не соответствует тому духу и букве Устава, которой должно соответствовать каждое решение, принимаемое Генеральной Ассамблеей. Вопрос о правильности в данном случае статьи 22 не может быть решен юридическим анализом этой статьи. В этой статье ничего не сказано о том, что именно понимать под вспомогательными органами и является ли межсессионный комитет вспомогательным органом. Но это нельзя решать путем юридического истолкования статей Устава отвлеченно от толкования политического. Ведь не случайно же даже Даллес здесь вот, с этой кафедры, разделил все мотивы и возражения на две категории — юридическую и политическую, — когда он говорил и защищал учреждение межсессионного комитета. Юристу, я говорю, поэтому здесь делать нечего, ибо этот вопрос не юридический, а в первую очередь политический вопрос, а юридический он лишь постольку, поскольку здесь нарушается дух Устава, который выражен юридическими формулами, нарушается порядок изменения Устава, который выражен в его статьях, и т. д. и т. п. Те, кто говорит, что толкованием Устава должны заниматься в Международном Суде судьи, забывают правило, что судьи — члены Международного Суда — меньше всего должны быть подвержены политическим тенденциям.

Если, скажем, конфликт между Албанией и Великобританией судьи Международного Суда начнут разбирать с точки зрения политической, то я заранее знаю, что приговор будет вынесен против Албании, потому что политические симпатии этих представляющих разные правительства судей, к сожалению, таковы же, как и их представителей в Генеральной Ассамблее, а большинство этих представителей, как мы видели, настроено так, что мы не очень можем быть в восторге от этих настроений. Но если судьи будут рассматривать вопрос юридически, то я готов положить на их компетенцию. Отсюда вывод:

толкование Устава, которое является не столько делом юридическим, сколько политическим, как это видно, скажем, из вопроса относительно законности или незаконности учреждения греческой комиссии по контролю и надзору над суверенными государствами Югославией, Албанией или Болгарией,— ни с точки зрения юридических доводов, ни, в еще большей степени, с точки зрения политических доводов,— не может быть предоставлено Международному Суду. Кроме того, нельзя допустить, чтобы какому-либо органу было дано право контролировать деятельность Генеральной Ассамблеи или Совета Безопасности. Я утверждаю, что австралийское предложение не соответствует ни смыслу, ни духу, ни принципам нашей Организации, ни началам суверенности каждого из участников этой Организации, ни всему тому, что связано с понятием толкования Устава, с нашей практической работой. Ведь дело доходит даже до того, что предлагается, чтобы Международный Суд участвовал путем толкования Устава ООН в формулировании таких принципиальных положений, которые представляются желательным видеть установленными на будущее. Что это означает? Это означает, что Международный Суд должен быть вовлечен в ту практическую политическую работу нашей Организации, занимающейся выработкой принципов на будущее, то есть политическими вопросами. Международный Суд, оказываясь, должен быть вовлечен в гущу политической работы, а значит, и политической борьбы, которая сосредоточена и не может не быть сосредоточена в органах Организации Объединенных Наций. Эта тенденция не имеет ничего общего с действительными задачами и принципами Международного Суда, как это выражено в Уставе. Эта тенденция является выражением стремления поломать Устав, поломать его принципы.

Вот почему советская делегация считает необходимым возражать против австралийского проекта и голосовать против него.

Два слова разрешите сказать относительно другого документа, А/С.6/169.

Советская делегация считает неправильным предложение, содержащееся в этой третьей резолюции,—это резолюция тоже Шестого комитета, составленная специальным подкомитетом на основе совместного франко-иранского предложения,—она является совершенно излишней. То, что в ней правильно,—повторяет Устав Организации Объединенных Наций, а то, в чем она не повторяет Устав, то, где она, так сказать, проявляет свою оригинальность,—она является неправильной, противоречащей Уставу. Проект резолюции исходит из утверждения, что при разрешении споров между государствами необходимо на более часто преимущественно обращаться в Суд, как говорят, использовать услуги Суда. Но мы против такой, я бы сказал, сутяжнической тенденции. Статья 33 Устава говорит иное. Она говорит, что стороны, участвующие в любом споре, продолжение которого могло бы угрожать поддержанию международного мира и безопас-

ности, должны прежде всего стараться разрешить спор путем не обращения в Суд, а путем переговоров, путем не обращения в Суд, а путем посредничества, путем не обращения в Суд, а путем примирения, арбитража, который есть тоже особая форма примирения и которую не надо смешивать с судебной формой, и затем уже путем судебного разбирательства, или обращения к региональным органам или соглашениям, или иными мирными средствами по своему выбору.

Вот смотрите, каким духом проникнут наш Устав, когда он в статье 33 говорит: если возникнут между государствами споры, то постарайтесь прежде всего устранить споры путем переговоров, примирения, арбитража, посредничества и т. д. Это — дух миролюбия. Это — та благородная мысль, которая пронизывает собою Устав от начала до конца. Но эта благородная мысль кому-то не нравится. Не хотят, очевидно, чтобы в первую очередь обращались к переговорам между государствами, чтобы обращались к посредничеству, примирению, а уже потом, в крайнем случае, обращались к судебному разбирательству. Резолюция говорит совершенно недвусмысленно о том, что надлежит обращаться именно к судебному разбирательству в первую очередь. Она обращает внимание государств, не признавших обязательной юрисдикции Суда, на необходимость признать такую обязательность, она обращает внимание государств на желательность включения в договор условий согласительного характера, предусматривающих обращение к Международному Суду по преимуществу. Почему по преимуществу, я спрашиваю? На каком основании я должен по преимуществу обращаться к Международному Суду вопреки той рекомендации, которая выражена в принципе и заложена в Уставе, в статье 33 — о переговорах, о примирении, о посредничестве и арбитраже? Советская делегация считает, что это — надуманное предложение.

Что касается франко-иранского предложения по данному поводу, то мы не можем признать, что оно имеет сколько-нибудь серьезное логическое основание. Больше того, оно находится в прямом противоречии со статьей 33 Устава. Проект резолюции призывает государства, не признавшие обязательную юрисдикцию Международного Суда, в соответствии со статьей 36 (пункты 2 и 5) Статута Суда, признать такую юрисдикцию возможно большим числом государств с наименьшим числом оговорок. Но если в проекте резолюции обращается внимание на возможности, предоставляемые статьей 36, то такой призыв в резолюции Генеральной Ассамблеи является совершенно излишним. Он только повторяет то, что говорится в самой статье 36. Но естественно, что никто не желает заниматься таким пустым делом, как простое повторение. Тут есть какой-то смысл. Какой же здесь смысл? А смысл тот, что статья 36 говорит о факультативности обращения, а здесь хотят эту факультативность превратить в обязательность, что противоречит

основным принципам, выраженным в преамбуле статьи 36, в той самой преамбуле, за которую было немало борьбы в подготовительном периоде, потому что есть ряд государств, и в числе их Советский Союз, которые не признают и не могут признать принудительную юрисдикцию. Куда же нас ведет это франко-иранское соглашение по поводу этой обязательной юрисдикции? Оно ведет к нарушению статьи 36, пункт 2d Устава.

Ввиду изложенных соображений советская делегация не может не присоединиться к этому соглашению, к этой резолюции и должна будет голосовать также и против этой резолюции, как находящейся в явном противоречии с установленными в этой области принципами Устава.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Слово предоставляется представителю Канады.

Г-н БОДУЭН (Канада) (*говорит по-английски*): Вопрос повестки дня, касающийся первой резолюции и содержащийся в документе А/459, был ясно и обоснованно объяснен Докладчиком Шестого комитета.

Мнение, которого придерживаются делегации Польши и СССР, заключается в том, что, во-первых, Международный Суд не компетентен истолковывать Устав и, во-вторых, что резолюция, рекомендуемая органам Организации Объединенных Наций обращаться по сложным и важным юридическим вопросам, включая толкование Устава, в Международный Суд противоречит Уставу и поэтому является незаконной.

Что касается первого пункта — компетентен ли Суд истолковывать Устав, — то в статье 92 Устава говорится, что Суд, являясь основным судебным органом Организации Объединенных Наций, функционирует в соответствии со Статутом, являющимся неотъемлемой частью Устава. Статья 96 Устава уполномочивает Генеральную Ассамблею или Совет Безопасности обращаться за консультативными заключениями в Суд по любому юридическому вопросу, в ней также говорится, что другие органы или специализированные учреждения могут быть уполномочены Генеральной Ассамблеей обращаться за консультативными заключениями в Суд по юридическим вопросам в пределах их деятельности.

Пункт 3 статьи 34 Статута Международного Суда, являющегося неотъемлемой частью Устава, гласит: «Когда по делу, разбираемому Судом, ему надлежит дать толкование учредительному документу какой-либо публичной международной организации...», Секретарь Суда принимает определенные шаги. Ясно поэтому, что Суд компетентен толковать Устав по вопросам, переданным ему государствами.

Однако может ли Суд толковать Устав в форме консультативного заключения, если его об этом просят? Статья 65 Статута совершенно ясно гласит, что «Суд может давать консультативное заключение по любому юридическому вопросу, по запросу любого учреждения, уполномоченно-

го делать такие запросы самим Уставом Объединенных Наций или согласно этому Уставу». Было бы полезно снова подчеркнуть, что в статье 65 указано, что «Суд может давать консультативное заключение по любому юридическому вопросу».

Толкование учредительного документа публичной международной организации, о котором специально упомянуто в статье 34 Статута, несомненно, является вопросом, который решает Суд. Из этого следует, что Суд компетентен толковать Устав, который является учредительным документом Организации Объединенных Наций, в случае, когда возникает спор между двумя государствами или когда орган Организации Объединенных Наций обращается за консультативным заключением относительно толкования Устава.

Здесь говорилось, что предложение, аналогичное тому, которое разбирается сейчас на Генеральной Ассамблее, было отклонено в Сан-Франциско. Мы просмотрели материалы конференции в Сан-Франциско, и, со своей стороны, не смогли найти, что подобное предложение было отклонено Конференцией Объединенных Наций по созданию международной организации.

Вопрос, поставленный в Сан-Франциско, заключался в следующем: как и каким органом или органами Организации должен истолковываться Устав? Лежащий перед нами документ А/474, представленный делегацией СССР, содержит ответ на этот вопрос. В этом документе содержатся заключения, принятые Комитетом IV в Сан-Франциско. Эти заключения, подготовленные комитетом, ответственным за разработку этой части Устава, показывают с абсолютной ясностью, что органы Организации Объединенных Наций могут в процессе своей повседневной работы толковать части Устава, применимые к их особым функциям. Ясно также, что в Уставе не содержится ничего, что мешает Суду истолковывать Устав. Наконец, также ясно, что государства могут обращаться в Суд или что органы могут спрашивать консультативное заключение Суда, касающееся толкования Устава.

Поскольку Генеральная Ассамблея на основании статьи 13 Устава может делать рекомендации с целью поощрения прогрессивного развития международного права, то не может идти и речи о какой-либо незаконности в рекомендации Генеральной Ассамблеи органам Организации Объединенных Наций и уполномоченным ею учреждениям о том, чтобы они обращались по сложным и важным вопросам права, включая толкование их учредительных документов, за консультативным заключением в Международный Суд.

Нет никакого сомнения, что резолюция, предложенная Шестым комитетом, составлена не только в соответствии с буквой и духом Устава, но также предназначена для того, чтобы содействовать господству права и порядку, основанного на справедливости. Делегация Канады полностью поддерживает такое господство права.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Слово предоставляется представителю Бразилии.

Г-н АМАДО (Бразилия) (*говорит по-французски*): Я хочу сказать несколько слов, чтобы выразить точку зрения Бразилии. Прежде всего я хочу отдать должное усилиям Австралии на данной сессии Ассамблеи подчеркнуть важность Международного Суда и напомнить органам Организации Объединенных Наций о всех преимуществах, которые можно извлечь из этого высокого юридического органа.

Международный Суд действительно унаследовал престиж, который был завоеван его предшественником, а также прогресс, который был достигнут тем органом в развитии международного права.

Среди целей нашей Организации основной является урегулирование спорных международных вопросов мирным путем в соответствии с принципами справедливости и международного права.

Однако до настоящего времени в Международный Суд, основной юридический орган, обращались лишь в самую последнюю очередь. Три резолюции, представленные вам Шестым комитетом, как раз напоминают членам и органам Организации Объединенных Наций о желательности более частого консультирования с этим международным трибуналом.

Первые две резолюции делают упор на консультативные заключения. Мы далеки от недооценки важности подобных заключений. В этом случае было бы уместным упомянуть о консультативном заключении № 4 Постоянной палаты Международного правосудия по поводу декрета о национальности в Тунисе и Марокко, чтобы осознать их ценность. Совершенно очевидно, что консультативные заключения могли бы оказать большую помощь в толковании Устава.

Третья резолюция обращает внимание государств, которые еще не признали обязательности юрисдикции Международного Суда, на желательность принятия этой юрисдикции как можно большим количеством государств с наименьшим количеством оговорок.

В комитете юристов, собравшемся в Вашингтоне и заложившем основы данного Международного Суда, представитель Бразилии неоднократно пытался как можно больше расширить обязательность юрисдикции. Моя страна давно признала обязательность юрисдикции Суда, и бразильский Конгресс еще раз уполномочил делегацию Бразилии внести предложение об обязательности компетенции Суда. Мне предоставлена честь объявить об этом акте Бразильского конгресса перед Генеральной Ассамблеей.

Тем не менее призыв к странам признать компетенцию Суда в разрешении их спорных вопросов следовало бы поддержать призывом к органам Организации Объединенных Наций, рекомендующим юридическое разрешение определенных спорных вопросов, угрожающих миру и международной безопасности. Пункт 3 статьи 36 Устава гласит, что, «делая рекомендации на осно-

вании настоящей статьи, Совет Безопасности принимает также во внимание, что споры юридического характера должны, как общее правило, передаваться сторонами в Международный Суд в соответствии с положениями Статута Суда».

Политические органы, такие как Генеральная Ассамблея и Совет Безопасности, не компетентны решать спорные вопросы юридического характера. Они рискуют потерять свой престиж, если будут делать это. Когда конфликт может быть решен удовлетворительно через международный трибунал, разумно, даже с политической точки зрения, не решать его политическими методами.

Разрешите процитировать здесь слова Председателя г-на Аранья, произнесенные им в Совете Безопасности 3 апреля 1947 года в связи с инцидентами, имевшими место в проливе Корфу. Он сказал: «Совет Безопасности не является трибуналом и не может быть таковым. Он представляет собой, по преимуществу, политический и исполнительный орган Объединенных Наций. Наши функции не судебные, и мы заседаем здесь не в качестве международных судей»⁸.

Поэтому необходимо, чтобы органы Организации Объединенных Наций, на которые возложена обязанность решения спорных международных вопросов в соответствии с положениями Устава, передавали их, если они носят юридический характер, в Международный Суд.

Конечно, мы не можем отрицать трудность, которая так часто возникает в определении, что является спором юридического характера в отличие от политического. Здесь трудно дать точное определение.

Определенные государства часто пытались ограничить юридическую компетенцию Суда, представляя список вопросов, которые, по их мнению, не могут разрешаться путем арбитража или обращения к праву. Тем не менее приятно видеть, что этот список с каждым днем уменьшается. Несколько лет тому назад моя страна, не задумываясь, обратилась в арбитраж даже при решении вопросов, касающихся границ, которые близко затрагивали ее суверенитет, что история поставит ей в заслугу. Сейчас же это — дело международных органов, занимающихся спорами, которым надлежит исследовать прежде всего, входят ли подобные споры в компетенцию Международного Суда. Если у этих политических органов возникнут какие-либо сомнения, они всегда могут спросить мнение Суда, и если последний установит, что спорный вопрос является спором юридического характера, то им следует просить Суд разрешить его.

Каждый орган Организации Объединенных Наций имеет право толковать Устав; мы все знаем это, и представитель СССР с присущим ему крас-

⁸ См. *Официальные отчеты Совета Безопасности*, второй год, № 32, стр. 59.

норечием еще раз напомнил нам об этом факте. Международный Суд является не только органом, обладающим привилегией толковать Устав. Вот с конституционной точки зрения все, что можно сказать относительно компетенции Международного Суда в этом деле. Резолюция, принятая Шестым комитетом, не дает Суду никаких исключительных прав. Что касается принципов объективной справедливости, которыми руководствуется наша организация, то эта резолюция ничего не меняет. Ее цель — только рекомендовать органам Организации Объединенных Наций и специализированным учреждениям лучше использовать возможность, которая находится в их распоряжении в соответствии с Уставом; резолюция никоим образом не изменяет право и не содержит ничего антиконституционного. Мы просто выражаем пожелание, чтобы была изменена практика для достижения более удовлетворительных результатов.

Не может быть никакого сомнения, что органы Организации Объединенных Наций имеют право обращаться, если они того пожелают, за консультативными заключениями в Международный Суд по вопросам толкования текста договора, а Устав есть не что иное, как договор; если это не договор, так что же это? Мы просто выражаем пожелание, чтобы органы Организации Объединенных Наций чаще использовали эту возможность, потому что нам кажется, что она до настоящего времени использовалась недостаточно. В прошлом в тех случаях, когда с Международным Судом не консультировались, такие консультации могли бы принести очень хорошие результаты; таких примеров в истории немало, особенно в годы после первой мировой войны.

Данная рекомендация не придаст обязательного характера тому, что в соответствии с Уставом не обязательно; целью ее является поощрение более частого использования существующей возможности.

Определенные страны опасаются, что Суд, осуществляя толкование Устава, будет слишком строго применять юридические правила в политических вопросах. Опыт толкования Постоянной палатой международного правосудия устава Лиги Наций позволяет думать, что Международный Суд, как и его предшественник, покажет довольно широкое понимание политической природы нашего Устава. Мы должны избегать анархии в толковании Устава; мы также не должны злоупотреблять гибкостью его положения. Минимум стабильности необходим в качестве основы организации любого типа. Гибкость имеет ряд преимуществ. Все могут толковать Устав — Совет Безопасности делает это почти ежедневно, — но гибкость может стать слабостью, как это показывают настоящие обстоятельства. Как и в интеллектуальной сфере, гибкость может служить как на пользу, так и во вред. Чтобы избежать анархии в толковании Устава, не следует преувеличивать. Чтобы достичь этой цели, то есть минимума безопасности и определенности, мы

должны обращаться за объективным заключением в Суд по весьма спорным вопросам.

Подписывая Устав, страны согласились частично отказаться от своего суверенитета: они создали органы, облеченные определенными полномочиями. Важно, чтобы такие органы функционировали нормально и делали все так, чтобы политика не довлела над законностью.

Мы не мечтатели, мы не желаем бросаться вперед сломя голову, мы продвигаемся медленно, *festina lente*; но мы верим в нашу Организацию. Именно с усилением Международного Суда связываем мы часть наших надежд.

Исходя из вышесказанного, делегация Бразилии будет голосовать за принятие трех резолюций, будучи уверенной в том, что таким образом она действует в духе Устава.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Слово предоставляется представителю Франции.

Г-н ПАРОДИ (Франция) (*говорит по-французски*): Французская делегация совместно с иранской делегацией в Шестом комитете предложила текст, который стал третьей резолюцией, представленной на одобрение Генеральной Ассамблеи. Находящийся перед вами текст лишь предусматривает полное применение положений Устава, относящихся к урегулированию споров юридического характера. Мы думаем, что решение международных споров юридического характера обычно должно производиться с помощью процедур юридического характера.

В международной жизни возникает множество вопросов, которые с успехом могут быть переданы на рассмотрение высшего международного трибунала, каковым является Международный Суд. Вообще говоря, хорошо, что деятельность Суда усилится и что таким образом утвердятся авторитет права. Само собой разумеется, что подобная деятельность не должна распространяться на политические вопросы. Любая такая попытка нанесла бы вред престижу и эффективности мнения Суда; однако предложения, представленные на ваше рассмотрение в докладе Шестого комитета, содержат необходимые ограничения и гарантии по этому поводу. По этим причинам французская делегация будет голосовать за доклад полностью и за три резолюции, представленные Генеральной Ассамблее.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Слово предоставляется представителю Египта.

Г-н РААФАТ (Египет) (*говорит по-французски*): Разрешите мне повторить здесь фразу, которую я произнес в Шестом комитете, когда обсуждались проекты трех резолюций, представленных сейчас на рассмотрение Генеральной Ассамблеи. Я тогда сказал в конце своего краткого выступления, что эти проекты трех резолюций, гармонически дополняющие друг друга, представляют определенный прогресс в международной юстиции и что если бы Генеральная

Ассамблея проголосовала за них в целом или за их большую часть, то тогда мы могли бы сказать, что Шестой комитет проделал хорошую работу. Я до сих пор придерживаюсь этого мнения.

Это показывает, до какой степени моя делегация поддерживает Международный Суд, Статут которого был принят Египтом в 1937 году. Как и большинству представленных здесь стран, нам хотелось бы увидеть новое рождение Суда на этой второй стадии его существования, его выход из вынужденного полусонного состояния и применение им своей власти как в консультативной сфере, так и непосредственно в спорах в рамках Статута и Устава Организации Объединенных Наций. Результатом этого явилось бы расширение и усиление господства права в международных делах и, возможно, внесение умиротворения, в котором так нуждается мир.

Поэтому мы без всяких оговорок приняли бы проекты трех представленных резолюций, если бы над нами не тяготел — я чуть было не сказал, если бы у нас не висел на шее — серьезный, все еще стоящий перед Советом Безопасности конфликт с другим членом Организации Объединенных Наций.

В августе и сентябре при рассмотрении англо-египетского спора Советом Безопасности мое правительство утверждало и утверждает сейчас, что этот конфликт носит политический характер и, таким образом, исключает возможность какого-либо обращения в Международный Суд. Оно все еще придерживается той же позиции, которую еще раз подтверждает перед Генеральной Ассамблеей.

Утверждая это, мое правительство не выражает какого-то недоверия Суду, а просто хочет правдиво показать конфликт и не допустить, чтобы он потонул в юридическом словопрениии.

Следовательно, у нас есть некоторые оговорки, которые вкратце отмечались в докладе Шестого комитета и которые не были зачитаны Ассамблеей.

Моя делегация, со своей стороны, не хотела бы, чтобы простое и полное принятие ею трех предлагаемых резолюций могло так или иначе нанести вред ее позиции, четко и официально изложенной по поводу серьезного конфликта, о котором я вам напомнил и который затрагивает наши жизненные интересы, наше суверенное равноправие, наш суверенитет на нашей собственной земле и даже само наше существование как нации, достойной этого названия, и истории, охватывающей сорок столетий.

Поэтому, вполне принимая первую и вторую резолюции, говорящие о лучшем и более частом использовании органами Организации Объединенных Наций консультативных заключений Суда, мы будем вынуждены воздержаться от третьего предложения в целом, говорящего о юрисдикции Суда в спорных вопросах.

Во всяком случае, если будет принято решение третью резолюцию голосовать раздельно по пунктам, то мы готовы принять первую из трех ее рекомендаций, которая, по-моему, является наиболее важной, ибо она обращает внимание государств на целесообразность принятия, с наименьшим количеством оговорок, обязательной юрисдикции Суда в соответствии с пунктом 2 статьи 36 Статута. Таким образом, мы бы еще раз продемонстрировали нашу искреннюю заинтересованность в улучшении и укреплении Суда, который пользуется всеобщим уважением и является основным судебным органом Организации Объединенных Наций.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Список выступающих исчерпан. Ставлю поправку Польши на голосование.

Поправка отклоняется 37 голосами против 6 при 4 воздержавшихся.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Ставлю на голосование отдельно каждую из трех резолюций, представленных в докладе Шестого комитета.

Ставлю на голосование первую резолюцию, рекомендованную в докладе Шестого комитета.

Первая резолюция принимается 46 голосами против 6 при 2 воздержавшихся.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Ставлю на голосование вторую резолюцию, рекомендованную в докладе Шестого комитета.

Вторая резолюция принимается единогласно.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Слово предоставляется представителю Колумбии, желающему обратиться к Генеральной Ассамблее к порядку ведения заседания.

Г-н ЙЕПЕС (Колумбия) (*говорит по-французски*): Я сравнил английский и французский тексты резолюции и вижу, что в третьем пункте имеется существенное различие между двумя текстами. Я их зачитаю, и вы сами заметите разницу.

В английском тексте говорится: «*Recommends as a general rule that States should submit their legal disputes to the International Court of Justice*». Другими словами, в английском тексте государствам в обязательном порядке предлагается передавать Международному Суду их споры правового характера.

Во французском тексте говорится: «*Recommande d'une manière générale aux Etats Membres de soumettre leurs différends d'ordre juridique à la Cour internationale de Justice*».

Я не лингвист, но мне кажется, что есть существенное различие между двумя текстами. Французский текст является простой рекомендацией, оставляющей право за государствами передавать или не передавать Международному Суду их споры правового характера; английский же текст выражает повелительный приказ, кото-

рый обязывает государства передавать Международному Суду их споры правового характера.

Я хотел бы получить разъяснения экспертов по этому вопросу, прежде чем состоится голосование.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Прошу Докладчика дать разъяснения Генеральной Ассамблее по этому вопросу.

Г-н КЭКЕНБЕК (Бельгия) (*говорит по-французски*): Насколько я понял, представитель Колумбии полагает, что существует различие между английским и французским текстами третьей резолюции. В английском тексте сказано: «рекомендует государствам — членам Организации Объединенных Наций, как общее правило, передавать Международному Суду их споры правового характера». Я не вижу ничего повелительного в этом. Это рекомендация, а рекомендацию можно выполнять или не выполнять, хотя ее и следует по возможности выполнять.

Английское выражение «that States should submit» является совершенно нормальным для выражения желаний, то есть того, что следует сделать. Я не думаю, что здесь имеет место различие между английским и французским текстами, которое усматривает представитель Колумбии.

Г-н Аранья вновь занимает председательское место.

Г-н ЙЕПЕС (Колумбия) (*говорит по-французски*): Я думаю, что вопрос следует прежде направить Шестому комитету.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Если и существует какое-либо различие между двумя текстами, то оно будет устранено при окончательной редакции резолюции. Следует принять во внимание разъяснение Докладчика.

Ставлю на голосование третью резолюцию.

Резолюция принимается 45 голосами против 6 при 3 воздержавшихся.

Г-н ЙЕПЕС (Колумбия) (*говорит по-французски*): Делегация Колумбии воздержалась от голосования, ввиду того что она считает, что существует различие между английским и французским текстами.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Мы пришли к общему мнению по поводу значения этого пункта, и нам нет необходимости принимать другое решение по этому вопросу. Имеется в виду, что резолюция не принуждает ни одну страну передавать споры правового характера в Международный Суд, а просто рекомендует это делать.

71. Регистрация и опубликование договоров и международных соглашений: доклад Шестого комитета (документ А/457)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Слово предоставляется Докладчику Шестого комитета.

Г-н КЭКЕНБЕК (Бельгия) (*говорит по-французски*): Доклад о регистрации и опубликовании международных договоров и соглашений (документ А/457) был вам представлен. Поскольку делегации имеют текст доклада, то, мне кажется, нет необходимости зачитывать его здесь.

Достаточно сказать, что 4 сентября 1947 года Генеральный Секретарь в документе А/380 информировал нас о результатах, достигнутых в области регистрации и опубликовании международных договоров и соглашений. Он устно дал дополнительную информацию Шестому комитету, которая воспроизводится в кратком докладе и приводится в докладе Комитета. Шестой комитет рекомендует Генеральной Ассамблее принять следующую резолюцию:

«Генеральная Ассамблея

Принимает к сведению доклад Генерального Секретаря (документ А/380) по вопросу о регистрации и опубликовании международных договоров и соглашений;

Обращает внимание государств — членов Организации на обязательства, возложенные на них статьей 102 Устава».

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Поскольку нет желающих выступить по данному вопросу, переходим к голосованию.

Резолюция, содержащаяся в документе А/457, принимается единогласно.

72. Место созыва третьей очередной сессии Генеральной Ассамблеи: а) проект резолюции, предложенный Францией и Швецией (документ А/452); б) доклад Пятого комитета (документ А/473)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Генеральная Ассамблея на своем сто восьмом заседании решила рассмотреть это предложение, не отсылая его в Комитет. Поэтому мы перейдем к рассмотрению данного проекта резолюции. В этой связи Пятый комитет представил Генеральной Ассамблее доклад, касающийся финансовой стороны этого предложения.

Перед тем как открыть прения по франко-шведскому предложению, предоставляю слово представителю Швеции, который от имени Докладчика зачитает доклад Пятого комитета, содержащийся в документе А/473.

Г-н Бергстрём (Швеция) зачитывает содержащийся в документе А/473 доклад Пятого комите-

та «*Финансовые последствия проведения в Европе в 1948 году очередной сессии Генеральной Ассамблеи*»:

«1. В соответствии с указаниями, полученными от Генеральной Ассамблеи и направленными Пятому комитету в письме Председателя от 10 ноября 1947 года на девяносто седьмом заседании Пятого комитета, состоявшемся 12 ноября 1947 года, рассмотрены финансовые последствия проведения в Европе в 1948 году очередной сессии Генеральной Ассамблеи.

2. Было уточнено, что рассмотрение этого вопроса не включает ассигнований, а только преследует цель проинформировать Генеральную Ассамблею о его влиянии на бюджет Организации Объединенных Наций. Комитет согласился, что поскольку сущность этого предложения должна обсуждаться на пленарном заседании Генеральной Ассамблеи, то в настоящее время надо изложить только бюджетные вопросы, и если Генеральная Ассамблея положительно отнесется к предложению, то Пятый комитет вновь рассмотрит смету расходов и даст рекомендации о выделении необходимых кредитов.

3. Комитет рассмотрел две сметы расходов: первая — смета расходов на проведение сессии Генеральной Ассамблеи в Женеве, вторая — смета расходов на проведение сессии Генеральной Ассамблеи в другом пункте Европы. В распоряжении Комитета имелись смета, составленная Генеральным Секретарем (документ А/С.5/205), и доклад Консультативного комитета по административным и бюджетным вопросам (документ А/С.5/214). Первый документ определяет сметные расходы на проведение Генеральной Ассамблеи в Женеве общей суммой в 2 298 023 доллара и на проведение сессии Генеральной Ассамблеи в каком-либо другом пункте Европы суммой в 2 444 241 доллар по сравнению с 961 679 долларами, затрачиваемыми на проведение сессии Генеральной Ассамблеи в Нью-Йорке. Превышение первых двух сумм над последней составляет соответственно 1 336 444 и 1 482 562 доллара. В докладе Консультативного комитета рекомендуется сократить сметные расходы на сессию в Женеве до общей суммы в 1 863 544 доллара. При этом дополнительные расходы по сравнению с расходами на проведение сессии Ассамблеи в Нью-Йорке выразились бы суммой в 901 875 долларов. Консультативный комитет считает, что возможное превышение расходов при проведении сессии Ассамблеи не в Женеве, а в каком-либо другом пункте Европы над расходами в Женеве выразится суммой, равной приблизительно 146 000 долларов.

4. По предложению представителя Норвегии Комитет 46 голосами при 2 воздержавшихся, причем никто не голосовал против, решил, что дополнительная сумма расходов по проведению очередной сессии в 1948 году в Женеве составит приблизительно 901 875 долларов, как было рекомендовано Консультативным комитетом по административным и бюджетным вопросам, но вви-

ду многих неясностей, возникших в связи со смелой и оговорками Генерального Секретаря при принятии этой цифры, Комитет выразил мнение, что Генеральный Секретарь, проконсультировавшись с Консультативным комитетом, может обратиться в Фонд оборотных средств, если окончательно отпущенные Генеральной Ассамблеей ассигнования окажутся недостаточными. Если Генеральная Ассамблея решит провести очередную сессию не в Женеве, а в другом пункте Европы, то расходы увеличатся примерно на 146 000 долларов».

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Открывается дискуссия по проекту резолюции, представленному делегациями Франции и Швеции.

Слово предоставляется представителю Франции.

Г-н ПАРОДИ (Франция) (*говорит по-французски*): Французская делегация совместно с делегацией Швеции имеет честь представить на утверждение Генеральной Ассамблеи проект резолюции, предусматривающий в виде исключения проведение третьей очередной сессии Генеральной Ассамблеи в Европе.

Это предложение основано на правиле 5 Временных правил процедуры Генеральной Ассамблеи, в соответствии с которым сессии могут проходить в других местах, помимо Центральных учреждений Организации Объединенных Наций, согласно решению, принятому на предыдущей сессии, или по просьбе большинства членов Организации Объединенных Наций.

Смысл нашего предложения состоит в образовании Комитета, состоящего из представителей девяти государств — членов Организации Объединенных Наций, в обязанности которого будет входить оказание помощи Генеральному Секретарю в выборе города для проведения следующего заседания. Хотелось бы добавить, что французская делегация в этом отношении с готовностью приняла бы поправки, которые могли быть расценены Генеральной Ассамблеей как существенные.

В дополнение к проекту резолюции у вас имеется доклад Консультативного комитета, только что изложенный Докладчиком, который приблизительно показывает бюджетные расходы по проведению следующей сессии в Европе.

Шведская делегация и наша делегация после внимательного изучения, исходя из определенных соображений, на которых я хотел бы вкратце остановиться, считают, что на нас лежит обязанность ознакомить вас с этим предложением.

Прежде всего не должно и не может быть никакого сомнения в целесообразности представленного предложения. Нечего и говорить, что не может быть и речи, и мы ни на секунду не допускали такой мысли, чтобы перенести Центральные учреждения Организации Объединенных Наций из Америки. Организация Объединенных На-

ций приняла решение по этому вопросу, и предстоящая сессия нашей Ассамблеи рассмотрит вопрос об окончательных приготовлениях по финансированию и принятию окончательного плана зданий, которые, мы надеемся, будут воздвигнуты в ближайшем будущем.

Мы благодарны тем, кто в Соединенных Штатах Америки способствовал принятию подобного решения. Мы приняли его безоговорочно, и я, конечно, могу сказать это от имени шведской делегации так же, как и от имени моей делегации. Однако нет никакого противоречия в том, что Центральные учреждения Организации Объединенных Наций, как это окончательно решено, находятся в Нью-Йорке, а сессия, как исключение, будет проведена в другом месте. Я уже говорил о правиле, допускающем эту возможность.

Нам кажется, что, даже когда в распоряжении Организации Объединенных Наций будут здания, планы строительства которых сейчас подготавливаются и которые скоро вырастут в Нью-Йорке, все же может случиться, что Ассамблея, действуя в соответствии с этим правилом, время от времени будет проводить сессию в разных частях света. Возможно — я ничего об этом не знаю, но это возможно, — что Ассамблея сочтет полезным подчеркнуть свой интернациональный характер и вызвать интерес и симпатию в различных частях земного шара, где, может быть, нашу Организацию представляют слишком абстрактно, где о ней слишком мало знают и считают ее слишком отдаленной.

Однако, конечно, даже если подобные шаги будут полезными в дальнейшем для Ассамблеи, они будут стоить еще дороже, их будет гораздо труднее предпринять — и, пожалуй, после того как мы окончательно обоснуемся в наших новых зданиях, их можно будет предпринять только через очень продолжительные промежутки времени. Именно потому, что будущий год — последний год перед тем, как наша Организация разместится в постоянных зданиях, мы и представили вам настоящую резолюцию.

Мы знаем, что через год строительство новых зданий Организации Объединенных Наций будет в полном разгаре, однако строительство еще не будет завершено, и наша следующая сессия будет проведена в условиях временного размещения, которое уже становится привычным для нас. Во многих отношениях это временное размещение, в условиях которого мы работаем уже свыше года, было хорошо разработано. Я не могу не признать, что проблемы, неизбежно возникавшие в результате временных размещений, удачно разрешались благодаря усилиям Секретариата, несмотря на очень большие трудности. В этом зале, так же как и в Лейк Соксесе, мы окружены комфортом и снабжены всем необходимым для работы. Тем не менее остается фактом то, что рабочие условия Генеральной Ассамблеи были всегда трудными.

Нам каждый день предстоит совершать дли-

тельные поездки, занимающие около двух часов столь необходимого для работы времени. Различные делегации вынуждены выкраивать время в течение дня для проведения своих заседаний, чтобы координировать работу различных своих представителей в комитетах и предоставить возможность главам делегаций дать указания делегациям и информировать свои правительства.

В результате, из-за большой траты времени, а также из-за значительной усталости, на заседания в день остается не больше пяти или шести часов. Поэтому в конце сессии возникает необходимость проведения ночных заседаний, которые трудно организовать и которые неудобны и неприятны для всех тех, кто в них принимает участие. Большая продолжительность наших сессий может быть объяснена той же причиной. Сессия Генеральной Ассамблеи, состоявшаяся в Лондоне в январе — феврале 1946 года, длилась тридцать четыре дня. И повестка дня сессии была большой, потому что помимо представленных политических вопросов на сессии приходилось урегулировать вопросы учредительного характера, относящиеся к функционированию самой сессии.

Сессия, состоявшаяся в конце того же года — год тому назад в Нью-Йорке, — также значительно затянулась и длилась пятьдесят четыре дня. В этом году, если я правильно подсчитал, сессия продолжается уже шестидесятый день и еще не завершена.

Работа, несомненно, пошла бы быстрее и, следовательно, эффективнее в городе, где представители и члены Секретариата жили бы в непосредственной близости от их работы. Когда заседания Генеральной Ассамблеи будут проходить между 42 и 48 улицами Нью-Йорка, то, бесспорно, тогда появится возможность проведения трех заседаний в день, как это было в Лондоне в начале 1946 года; при этом можно избежать ночных заседаний. Тогда можно будет начинать работу в 10 часов утра, делать перерыв в 12 час. 30 мин., возобновлять работу, например, в 14 час. 30 мин. и продолжать ее до 17 часов, а затем проводить еще одно вечернее заседание до 19 час. 30 мин. или 20 часов.

Естественно, помимо материальных условий нашей работы существуют другие причины такой продолжительности наших сессий. Однако также очевидно, что эти условия являются неблагоприятным фактором, влияющим на продолжительность сессий. Поэтому весьма возможно, что если сессия Генеральной Ассамблеи состоится в будущем году в Европе, то при таком же объеме работы она может оказаться короче, чем наша настоящая сессия. Если нам удастся сократить ее, мы в то же время сэкономим определенные средства, которые не предусмотрены в имеющейся у нас бюджетной смете.

Я не намереваюсь много говорить по поводу бюджетных предположений и не хочу детально их обсуждать. Я только скажу, что, на первый

взгляд, моей делегации кажется, что эти расходы можно значительно сократить. Мне также хотелось бы напомнить вам, что помимо расходов, исчисляемых Секретариатом и Комитетом, необходимо принять во внимание, как уже было хорошо отмечено представителем Швеции в Пятом комитете, экономию средств, которую могут получить различные делегации в своих расходах.

Теперь я подошел к последнему аргументу, который действительно, является главным и заставляет нас представить этот проект резолюции.

Я только что подчеркнул, что авторитет Организации Объединенных Наций повысился бы в глазах всего мира, если бы Генеральная Ассамблея время от времени и опять-таки в виде исключения собиралась в различных частях земного шара. Нам кажется, что именно потому, что Европа более пострадала во время войны, чем какая-либо другая часть мира, и потому, что проблемы европейского переустройства и восстановления стабильности в Европе оказывают огромное влияние на экономические и политические трудности, отражение которых мы здесь ощущаем, было бы целесообразно провести следующую сессию Генеральной Ассамблеи у самого источника этих проблем. Мы полагаем, что для всех делегаций будет полезным воочию увидеть трудности, связанные с восстановлением Европы, и это стоит тех небольших усилий и жертв, которые, возможно, придется понести, не найдя в этой несчастной Европе эквивалента американскому изобилию.

Наоборот, нам кажется, что для престижа и будущего Организации Объединенных Наций имело бы большое значение, если бы Европе представилась возможность непосредственно наблюдать за мероприятиями следующей сессии Ассамблеи и ознакомиться не на расстоянии, а вблизи с ее действиями и работой.

Что касается выбора места, то, я думаю, нет нужды подчеркивать, что представленная здесь резолюция предусматривает широкий выбор. Если Генеральная Ассамблея считает, что необходимо предусмотреть больше деталей, мы, бесспорно, будем готовы согласиться с этим мнением.

Вот все, что я хотел пояснить; я хотел высказать соображения шведской и французской делегаций по поводу предложения о проведении следующей сессии в Европе. Мы надеемся, что эти соображения одобрят и поддержат все присутствующие.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Слово предоставляется представителю Соединенного Королевства.

Сэр Хартли ШОУКРОСС (Соединенное Королевство) (*говорит по-английски*): Это предложение затрагивает бюджетные и организационные соображения весьма важного характера. Я не буду просить извинения у Генеральной Ассамблеи за то, что займу некоторое время, чтобы

остановиться на этом. Моя делегация, естественно, всегда готова выслушать любое разумное предложение, объясняющее, почему сессию Генеральной Ассамблеи в следующем году следует провести в Европе. Но на тех, кто поддерживает этот шаг, ложится тяжелое бремя доказательства его целесообразности.

Каковы же аргументы, выдвигаемые в пользу этого предложения? По-видимому, причины такого существенного и неожиданного поворота в наших приготовлениях относятся к одной из следующих четырех категорий.

Прежде всего можно считать спорным, что проведение следующей Генеральной Ассамблеи в Европе было бы удобно или приятно для делегаций. Я лично с удовольствием присутствовал бы на заседаниях Генеральной Ассамблеи в Париже, Брюсселе, Женеве или в другом из примечательных европейских городов. Все они по своему привлекательны. То же самое, конечно, относится и к Нью-Йорку. Однако Генеральная Ассамблея не намеревается предоставлять возможности для Организации увеселительных прогулок, и когда принимаются во внимание стоимость, трудности, сопровождающие изменения и раскол в нашей Организации, которые явились бы следствием проведения сессии в Европе, то становится, я полагаю, совершенно очевидно, что ни одна делегация не станет утверждать, что перемена места необходима в целях удобства или развлечений. Это был бы легкомысленный подход к делу, и известно, что ответственные правительства так не поступают. Давайте поэтому взглянем на то, что я бы назвал наиболее важным аргументом.

Второе соображение состоит в следующем: каковы будут финансовые последствия этого предложения? Сейчас это является очень важным вопросом, по крайней мере для некоторых стран. Я не хочу делать слишком большое ударение на нашу позицию, однако в Англии в настоящее время наблюдается очень серьезная нехватка во многих жизненно важных вещах, в частности в отношении продуктов питания, ибо мы не можем позволить себе покупать больше продуктов питания за рубежом. Вот почему рацион бекона у нас составляет одну унцию в неделю и масла — только две унции в неделю. Мы просто не можем так легко позволить себе дополнительные расходы, которые возникнут в связи с переменой места проведения сессии Генеральной Ассамблеи, ибо у нас будет еще меньше денег для покупки необходимого за границей.

Итак, каковы же финансовые последствия этого? Пересмотр проекта бюджета Пятым комитетом, как только что сказал Докладчик и как указано в документе А/С.5/214⁹, показывает, что общее увеличение расходов на проведение Ассамблеи в Женеве составит 901 875 долларов, и к этой сумме необходимо прибавить, по крайней мере,

⁹ См. четырнадцатый доклад Консультативного комитета по административным и бюджетным вопросам: смета расходов на проведение очередной сессии Генеральной Ассамблеи в Европе в 1948 году.

еще 146 000 долларов, если сессия будет проведена в Париже, Брюсселе или каком-либо другом европейском городе. Разумеется, ясно, что чрезвычайно трудно составить точную смету расходов, но я хотел бы заметить и особо подчеркнуть, что я абсолютно уверен в том, что смета, подготовленная Консультативным комитетом, является чрезвычайно консервативной. Членам Генеральной Ассамблеи следует иметь это в виду.

Члены Ассамблеи помнят, что Генеральный Секретарь воспользовался предоставленным ему правом и сказал, что он не может принять сокращение своей сметы, которое предложил Консультативный комитет. Он даже пошел далее и сказал, что ему придется оставить за собой право из Фонда оборотных средств покрыть урезанные Консультативным комитетом сметные расходы.

Я осмелюсь предположить, что Консультативный комитет постарался занять совершенно нейтральную позицию при представлении сметы. Например, если взять пункт 2с доклада, то можно обнаружить, что действительная сумма расходов сокращена на сумму не менее 250 000 долларов под предлогом, что $\frac{2}{5}$ общего числа сотрудников, необходимых для обслуживания Генеральной Ассамблеи в Европе, так или иначе пойдут в отпуск с выездом на родину. Что это означает? Я не знаю, в течение какого периода времени триста двадцать девять сотрудников при обычных условиях выехали бы в отпуск на родину, однако если я допущу, и я думаю, что для такого предположения есть основания, что эта цифра составляет около половины сотрудников, которым предоставляются отпуска с выездом на родину в течение всего года, то тогда их отпуска были бы распределены в течение шестимесячного периода, ибо нормально, конечно, они не могут уехать в отпуск одновременно; на таких условиях нельзя строить работу Секретариата.

Затем Консультативный комитет на основании этого предположения делает следующее предположение, что сотрудникам аппарата предоставляется отпуск, возможно, до трех месяцев каждому. Мне кажется, что в действительности средняя продолжительность отпуска меньше. Однако если дело обстоит таким образом, то это означает, что необходимо иметь около половины сотрудников, проводящих отпуск в Женеве, Париже или в Брюсселе или там, где может состояться сессия Генеральной Ассамблеи, для того чтобы создать необходимый для проведения сессии Генеральной Ассамблеи аппарат.

Следовательно, в течение этих трех месяцев, вероятно, необходимо будет нанять временных сотрудников в Нью-Йорке для работы, которую обычно выполняли бы «отпускники» — если я могу их так назвать — в процессе их повседневной работы. Поэтому неизбежно одно из двух заключений: или к смете действительных расходов Секретариату следовало бы добавить расходы, связанные с вынужденным принятием на работу временных сотрудников в Нью-Йорке, или если

дело обстоит по-другому и нет необходимости нанимать временных сотрудников, то тогда, мне кажется, что такое значительное число сотрудников, находящихся в отпуске и вынужденных проводить свое свободное время в Париже, Женеве или Брюсселе, является вообще излишним и его вообще не следовало нанимать.

Во всяком случае, конечно, ссылка на экономию в 250 000 долларов является в лучшем случае чисто бухгалтерским подсчетом и не соответствует действительности.

Другим примером щедрого нейтралитета Консультативного комитета — если это можно так назвать — явилось то, что он определил расходы на дополнительные телеграммы в 5000 долларов. Только подумайте об этом. Если сессия Генеральной Ассамблеи длится шестьдесят дней, а это не является преувеличением, то это означает, что мы собираемся дополнительно тратить только 84 доллара в день на телеграммы; даже не являясь экспертом в этом вопросе, я абсолютно уверен, что этот пункт, как и многие другие — я только взял этот пункт в качестве примера, — включает сумму меньшую, чем действительные рабочие затраты, которые возникнут при предложенном пребывании на новом месте.

Здесь доказывалось — и доказывалось только что г-ном Пароди, — что при определении финансовых последствий предлагаемой перемены следует учитывать экономию, которая выпадает на долю некоторых правительств благодаря тому, что им предстоит совершить менее продолжительное путешествие.

Очевидно, если бы Генеральная Ассамблея состоялась, например, в Париже, французская делегация сэкономила бы значительные средства за счет того, что ей не надо было бы совершать поездку и нести другие расходы. Однако, хотя несколько делегаций могут сэкономить, надо не выпускать из виду общую картину. Будет ли в общем какая-либо экономия от путешествия и других непредвиденных расходов? Здесь я осмелюсь сказать, принимая во внимание глобальный результат, что возможная экономия, о которой намекнул, но которую не уточнил г-н Пароди, просто не существует. Представители снова заметят, что Консультативный комитет был очень осторожен в своих подсчетах по этому вопросу, но даже он вынужден был прийти к выводу — я процитирую сейчас слова из доклада Консультативного комитета, — что цифра расходов «все же выше соответствующей суммы, необходимой для проведения сессии в Нью-Йорке».

Даже если мы пойдем дальше и примем во внимание положение таких делегаций, как наша, которой предстоит предпринять гораздо менее длительное путешествие в какую-либо европейскую столицу — не положение делегации страны, в столице которой проходит Генеральная Ассамблея, ибо, конечно, мы не можем принять во внимание ее точку зрения, так как она, очевидно, только выиграет, — то и их положение с финан-

совой точки зрения является не из лучших. Европейским странам, с легкостью и удовольствием размышляющим о возможности проведения очередной сессии Генеральной Ассамблеи в Европе, следует иметь в виду, что если Генеральная Ассамблея не будет проводиться именно в их стране — а она не может проводиться во всех странах, — то им придется понести большие расходы.

Что касается Соединенного Королевства, то мы тщательно рассмотрели этот вопрос и пришли к выводу, что если очень умеренно расходовать деньги, при экономии во всем и везде, где только возможно, на поездках, размещении и во времени, то, хотя фактические расходы нашей делегации будут несколько меньшими, всего лишь немногим меньшими, чем здесь, однако окончательный финансовый результат переезда будет нам стоить, по крайней мере, 60 000 долларов. Это является, как мне кажется, ярким примером того, как это отразится на европейских странах, не включая страну, где будет происходить Генеральная Ассамблея. При подсчете все убедятся, что фактические затраты значительно увеличатся.

Условия данной резолюции не дают мне возможности высказаться в отношении того, какая именно часть Европы будет избрана этим странствующим комитетом, включающим Генерального Секретаря и девять других членов, создание которого было предложено; однако я должен напомнить представителям, что, конечно, не может быть никакой надежды на экономию твердой валюты, если местом сессии Генеральной Ассамблеи будет избрана Женева.

Таковы финансовые стороны вопроса. Я не хочу их преувеличивать или слишком подчеркивать их значение. Они являются очень важными, однако, бесспорно, не следует допускать, чтобы только финансовые причины определяли наше поведение, хотя я прямо должен сказать, как я попытался это сделать в начале моего выступления, что при настоящем положении в моей стране было бы совершенно неправильно, если бы мы не задумывались над тем, как покрыть затраты буквально каждого доллара. Мне кажется, что все европейские страны, испытывающие сейчас экономические трудности, захотят самым серьезным образом и с полной ответственностью рассмотреть вопрос о том, могут ли они оправдать неизбежное при переезде увеличение расходов.

Есть ли какие-либо другие аргументы, которые мы можем противопоставить возросшему расходу, какие-либо другие соображения, которые можно было бы привести в противовес? Только представьте на минуту некоторые из административных последствий этого шага. Я коснусь лишь некоторых из них, хотя все трудности, которые при этом возникнут, можно перечислять часами. Представители помнят, что до открытия сессии Генеральной Ассамблеи межсессионный комитет, который мы учредили, должен произвести приготовления к Генеральной Ассамблее. Совет

Безопасности, Консультативный комитет по административным и бюджетным вопросам, Комитет по взносам — всем этим органам необходимо подготовить свои доклады и подготовиться к Генеральной Ассамблее.

Что предполагается в отношении сотрудников Совета и его комитетов? Придется ли им готовить свои доклады в Нью-Йорке, а затем лететь в Европу? Это было бы очень большим неудобством и вызвало бы большие трудности. Это лишило бы представителей возможности консультироваться со своими правительствами перед открытием Генеральной Ассамблеи.

Какова же альтернатива? Должны ли доклады готовиться за несколько месяцев до открытия Генеральной Ассамблеи, чтобы было достаточно времени для их печатания и размножения, а также для их обсуждения и рассмотрения соответствующими правительствами? Это опять привело бы к неутешительным результатам. Это было бы не только неправильно и неучтиво по отношению к Генеральной Ассамблее, но это было бы и совершенно недостаточно, ибо информация о деятельности этих органов за самое последнее время вплоть до начала сессии не была бы представлена Генеральной Ассамблее.

Что можно сказать о положении Совета Безопасности? По Уставу, естественно, Совет Безопасности функционирует непрерывно. Причины этого совершенно ясны, и нет нужды объяснять их. Я думаю, что если занять жесткую юридическую позицию, то можно было бы доказать, что, поскольку Совет Безопасности должен функционировать непрерывно, он не может выезжать из Нью-Йорка. Я не хочу занять такую позицию. Я не хочу подходить к этому формально и необнованно; я сам думаю, что юридически, в соответствии с Уставом, Совет Безопасности мог бы выехать из Нью-Йорка вместе с Военно-Штабным комитетом и Комиссией по атомной энергии, а также со всеми остальными, если в этом будет необходимость. Однако, мне кажется, представителям следует понять, что если возникнет что-нибудь срочное и серьезное и если несколько государств — членов Организации Объединенных Наций решат, что необходимо созвать заседание Совета Безопасности для обсуждения создавшегося положения, и это произойдет как раз накануне его отъезда из Нью-Йорка в Европу, то тогда Совету Безопасности придется прекратить все приготовления и остаться в Нью-Йорке, чтобы заняться возникшим тем или иным срочным и серьезным делом.

Примите во внимание вопрос общей эффективности нашей работы и, в частности, позицию небольших делегаций, которые, несмотря на их малочисленность, принимают активное и важное участие в работе Экономического и Социального Совета, Совета Безопасности и самой Генеральной Ассамблеи. Когда эти три органа заседают в одном месте, небольшие делегации имеют возможность выполнить все, что от них требуется. Но предположим, а это вполне возможно, что Со-

вет Безопасности решил переехать в Европу гораздо раньше даты начала работы Генеральной Ассамблеи. Что же тогда случится? Постоянные делегации переедут в июле в Женеву, Париж или Брюссель или еще куда-либо, чтобы принять участие в работе Экономического и Социального Совета. Они этим будут заняты приблизительно месяц, затем в течение двух месяцев они будут принимать участие в работе Генеральной Ассамблеи, и, наконец, путешествие туда и обратно займет приблизительно один месяц. Конечно, определенной части сотрудников потребуется выехать в отпуск на родину.

Это означает, если подумать над этим, что, принимая во внимание все задачи и нужды, постоянные представительства и их сотрудники будут вынуждены покинуть свое местопребывание в Нью-Йорке на шесть месяцев. Конечно, все это время им нужно будет платить за помещения для своих представительств здесь, в Нью-Йорке, и, возможно, не только за служебные помещения, но также и за свои квартиры, им также придется оплатить свои путевые расходы.

Только подумайте о расходах и неудобствах, которые вызывает это предложение. Здесь почти у всех нас — маленьких и больших делегаций — есть свои постоянные служебные помещения со своим постоянным штатом сотрудников, свои библиотеки, документы, все архивы предыдущих заседаний, вся переписка и многое другое, свои пишущие машинки, множительные аппараты — все, что необходимо для эффективной работы наших делегаций.

Нужно ли все эти вещи без исключения перевозить в Европу для того, чтобы доставить себе удовольствие провести в Европе сессию в течение четырех или шести недель, а затем перевезти все обратно в Нью-Йорк?

Как я уже сказал, я мог бы бесконечно перечислять трудности и административные неудобства предлагаемой перемены места. Однако разрешите мне просто коснуться вопроса о некоторых приготовлениях здесь в Секретариате. Я попытаюсь кратко рассказать об этом.

Рассмотрим, например, трудность, заключающуюся в демонтаже аппаратуры для синхронного перевода, который сейчас функционирует и функционирует очень удачно. Нужно ли демонтировать всю эту установленную здесь аппаратуру, снова монтировать ее в Европе на короткий четырех- или шестинедельный период, а затем привозить ее и опять устанавливать на старом месте? Могут ли меня заверить, что она будет так же хорошо работать в Европе? Могут ли меня заверить в том, что мы не подвергнемся гораздо большей опасности услышать голоса духов, прерывающих выступления г-на Вышинского, как это имело место вчера? Могут ли меня заверить, что, когда вся аппаратура прибывает обратно в Нью-Йорк, она будет работать лучше благодаря временному пребыванию в Европе? Я бы употребил выражение г-на Вышинского:

«Господа, это фарс». Что касается установленных здесь условий нашей работы, то очевидно, что предлагаемая перемена привела бы к большим неудобствам.

Разберем теперь вопрос о распространении документов. Мне хотелось бы сказать, между прочим, что рассылка документов, на которую в прошлом году поступали жалобы, в этом году проходила отлично. Одна из причин, не считая того, что сама техника дела за два года практики стала более совершенной, состоит в том, что здесь распределительный центр расположен в Эмпайр Стэйт Билдинг в Нью-Йорке, где у многих делегаций есть свои служебные помещения. Что же случится в Женеве, Париже или Брюсселе или еще где-нибудь, когда делегации невольно будут разбросаны на большом расстоянии друг от друга и будут довольствоваться случайными местами для размещения в них своих служебных помещений?

Рассмотрим также вопрос о необходимых документах и архивах. Возьмите, например, Пятый комитет, которому в любой момент может понадобиться документ, касающийся некоторых деталей заседания в Чёрч-Хауз, или который в любое время по совершенно понятным причинам пожелает узнать, что было сказано таким-то государством по такому-то вопросу в какое-либо другое время. Следует вспомнить, как на одном из пленарных заседаний Генеральной Ассамблеи, приблизительно неделю тому назад, мы неожиданно обнаружили несоответствие английского и французского вариантов высказывания г-на Спаака по некоторым важным вопросам, в то время как для нас было чрезвычайно важно знать, что именно он сказал. Мы узнали об этом, просто прослушав в обеденный перерыв его выступление, записанное на пленку; тогда все сомнения развеялись. Подобная процедура, вероятно, не может быть использована в Европе.

Даже если мы и не будем стремиться к подобному совершенству в обслуживании, все равно потребуются большое передвижение архивов и необходимых документов. Сумма, выделенная на это, составляет 47 000 долларов, и я снова вынужден заметить, что эта сумма значительно занижена. Каждый знает, что ни при каких условиях нельзя взять эти документы, которые неизбежно понадобятся нам во время сессии, в Женеву, Париж или Брюссель. Будут поиски, извинения, недоразумения, будут посылаются телеграммы, будут телефонные разговоры через океан — и все же делегации в Европе не будут обслуживаться так хорошо, как они бы обслуживались здесь, в Лейк Соксесе.

Г-н Пароди сказал, что в существующем нашем размещении есть много неудобств и что приходится делать продолжительные поездки в Лейк Соксес и обратно. Но что можно предложить взамен? Ведь так неясно, где мы могли бы найти подходящие условия, и так же неясно, где мы могли бы найти подходящие гостиницы, подходящие помещения для работы, для заседа-

ний комитетов, для заседаний Ассамблей, то есть все то, что невозможно решить сейчас. Предложения заключаются в том, чтобы дать Генеральному Секретарю и Комитету девяти права какой-то странствующей комиссии, которая бы подыскала, если вообще можно что-либо подыскать, и выбрала место для следующей сессии.

Давайте лучше смиримся с имеющимися неудобствами, чем будем спешить приобрести новые. Я воздержусь от перечисления всех административных трудностей перед Генеральной Ассамблей. Разрешите мне просто спросить: какой правительственный орган или крупное коммерческое предприятие, потратив все деньги, все время и всю энергию на то, чтобы достичь сравнительно высокой административной эффективности, свидетелем которой мы были в этом году в Лейк Соксесе и Флошинге, без достаточно веских и убедительных причин небрежно отбросило бы эту эффективность и принялось бы снова за неприятную задачу набора новых сотрудников, за перевозку личного имущества и оборудования, документов и за новую организацию всего процесса на каком-то новом, никому не знакомом месте в 3 000 миль отсюда?

Конечно, могут существовать причины, вынуждающие к этому, и, если таковые существуют, они должны носить политический характер, однако до сих пор никто не указал, что существуют подобные, вынуждающие к этому причины. Может быть, для наших друзей в США будет неудобно проведение Генеральной Ассамблеи здесь накануне президентских выборов, однако я сомневаюсь в этом. Я, конечно, не слышал, чтобы кто-нибудь из них высказал предположение, что это то соображение, которое должно оказать на нас влияние, и им лучше отказаться от подобной мысли, поскольку здесь в Нью-Йорке, будут находиться постоянные Центральные учреждения Организации Объединенных Наций. Я надеюсь, никто здесь не собирается предлагать, чтобы каждые четыре года мы выезжали из страны для того, чтобы избежать некоторых неудобств в связи с проводимыми в Соединенных Штатах выборами. Я надеюсь, что сессии Генеральной Ассамблеи будут проводиться, и проводиться плодотворно и успешно, еще в течение длительного времени наряду с проведением в Соединенных Штатах выборов.

Не буду отрицать, я согласен с г-ном Пароди в том, что при проведении сессии Генеральной Ассамблеи в Европе имели бы место определенные преимущества. Европа нуждается и заслуживает, так сказать, легкого политического похлопывания по спине. С другой стороны, было бы справедливым сказать — и мне кажется, что мы склонны забывать об этом, — что Европу как место международных конференций в будущем году не упустили совсем из виду. У меня при себе имеется список таких конференций. Потребовалось бы много времени, чтобы перечислить огромное количество конференций, насчитывающих сотни заседаний, которые будут происходить в Европе в течение будущего года. Состоятся

всемирные конференции, конференции некоторых наших основных органов, конференция по мореходству, конференция по вопросу о свободе информации, заседания Экономического и Социального Совета, Совета по Опеке, Экономической комиссии для Европы. В общем, в Европе состоится большое количество очень важных и влиятельных встреч, и с этой точки зрения нельзя сказать, что политическому значению Европы не уделяют никакого внимания.

Осмелюсь заметить, что придет время, когда условия станут более подходящими, экономическое положение Европы улучшится, когда будет более удобно проводить там сессию Генеральной Ассамблеи. Может быть, ее удастся провести через год, когда, возможно, Секретариату придется переехать из Лейк Соксеса на Манхеттен. Однако до тех пор пока мы будем испытывать недостаток в средствах, а также в газетах и газетной бумаге, очень легко будет переоценить преимущества Европы и проведения сессии Генеральной Ассамблеи в Европе.

Во всяком случае, вероятные преимущества — я не отрицаю того, что имеются определенные преимущества, однако я не думаю, что они являются очень существенными — должны быть тщательным образом взвешены наряду с недостатками, которые совершенно очевидны. Что касается финансовых и административных вопросов, а также вопроса об общей эффективности, то я осмелюсь высказать свое мнение Генеральной Ассамблее, что все говорит за то, чтобы сессия была проведена в Нью-Йорке.

Наконец, я должен добавить следующее. Это, возможно, вопрос политического такта, и моя делегация хотела бы обратить на него внимание; я уверен, что другие делегации присоединятся к нам. Правительство Соединенных Штатов и город Нью-Йорк затратили огромные средства и проявили большую заботу о том, чтобы мы имели возможность с удобством и эффективно временно проводить здесь заседания в данный период. Они ничего об этом не сказали, и я вполне уверен, они ничего не скажут, чтобы не повлиять каким-либо образом на наше решение. Однако вряд ли было бы любезным отказываться так быстро и легко от той помощи, которую они нам оказали.

Я призываю членов Генеральной Ассамблеи еще раз самым серьезным образом подумать, прежде чем вносить изменение в существующие порядки, которое, мы уверены, не только бы возложило очень тяжелое дополнительное финансовое бремя на наши делегации, но и также во многом повредило бы эффективности нашей работы и работы Секретариата, которая с таким трудом была налажена.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): В список делегаций, желающих выступить по этому вопросу, включены следующие страны: Нидерланды, Китай, Новая Зеландия, Куба, Турция, Швеция, Польша, Австралия, Франция,

Ирак, Канада и Союз Советских Социалистических Республик. Так как больше нет делегаций, желающих выступить по этому вопросу, список выступающих закрывается.

Обсуждение будет продолжено завтра утром в 11 часов.

Заседание закрывается в 18 час. 40 мин.

СТО ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Суббота, 15 ноября 1947 года, 11 час.

Флошинг Медоу, Нью-Йорк

Председатель: г-н О. АРАНЬЯ (Бразилия)

73. Продолжение обсуждения вопроса о месте созыва третьей очередной сессии Генеральной Ассамблеи: проект резолюции, внесенный Францией и Швецией (документ А/452), и доклад Пятого комитета (документ А/473)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Слово предоставляется представителю Нидерландов.

Г-н БУРГЕР (Нидерланды) (*говорит по-английски*): Во избежание какого-либо недопонимания нашей позиции моя делегация, представляющая одну из европейских стран, хотела бы изложить свою точку зрения по вопросу о проведении следующей очередной сессии Генеральной Ассамблеи в Европе. Однако моя делегация выражает сожаление по поводу необходимости принять участие в обсуждении существа этого вопроса на пленарном заседании, поскольку нам представляется более приемлемой обычная процедура обсуждения различных вопросов повестки дня прежде всего в одном из главных Комитетов.

Поэтому мы позволим себе предложить, чтобы процедура, принятая Генеральным комитетом в данном случае, рассматривалась как крайне редкое исключение. Обсуждаемый вопрос мог быть лучше и более полно рассмотрен в Пятом комитете. При такой процедуре этот комитет, более технический по своему характеру, сделал бы упор на неполитических аспектах данного вопроса.

Неудобство принятой процедуры состоит в том, что она ведет к чрезмерному выпячиванию политических факторов независимо от того, насколько удачно обосновано внесенное предложение. Я думаю, что вчерашние замечания сэра Хартли Шоукросса¹ как раз подтверждают эту точку зрения. Кроме того, я не могу согласиться с тем аргументом, что такая процедура означала бы двойную дискуссию. Наоборот, дискуссии в комитетах часто исключают дискуссии на Генеральной Ассамблее.

Переходя к существу вопроса, моя делегация

хотела бы прежде всего подчеркнуть, что Генеральная Ассамблея не должна превращаться в путешествующий орган. Это было бы опасно и во многом повредило бы нашей Организации. Мы все могли убедиться в том, что благодаря опыту, приобретенному на различных сессиях Генеральной Ассамблеи, Секретариат стал работать более удовлетворительно, а технический аппарат достиг уровня, который, по моему мнению, мы не сможем обеспечить в другом месте. Правда, есть обстоятельства (большинство из них временные — такие как отдаленность Манхэттена от места нашего заседания), которые не благоприятствуют нашей работе, однако мы не должны их усугублять еще больше.

Чтобы успешно развиваться, нашей молодой Организации нужны ритмичность и стабильность в работе. Что касается политических условий, в которых ей предстоит развиваться, то они могут не отличаться стабильностью в течение длительного времени. Поэтому особенно важно, чтобы все остальные условия, от которых будет зависеть наша работа, были бы по возможности более спокойными и благоприятными.

По мнению моей делегации, правило о проведении Генеральной Ассамблеи в месте расположения Центральных учреждений может быть нарушено лишь в случае крайней необходимости. Моя делегация сможет рассмотреть обсуждаемое предложение благожелательно лишь при условии, что ему будет придан характер исключительной меры и что оно ни в коем случае не станет прецедентом. В данной же редакции не указывается ясно на исключительность характера этой меры.

Что касается связанных с этим дополнительных затрат, то моя делегация всегда придерживалась того мнения, что в связи с трудностями, с которыми сталкивается ныне весь мир и особенно европейские государства, расходование средств необходимо сконцентрировать на выполнении наиболее неотложных задач Организации Объединенных Наций, а именно на поддержании всеобщего мира и безопасности и на экономическом восстановлении.

Нам не кажется, что обсуждаемый вопрос относится к этой категории вопросов. Между тем положение таково, что увеличение взносов в связи с более высокой стоимостью проведения сессии Генеральной Ассамблеи в Европе будет в значительной степени покрыто снижением затрат для многих делегаций, включая делегацию Нидерландов; естественно, что обсуждаемый вопрос, по крайней мере, для этих стран может показаться несущественным. Думается, это не является преуменьшением. Преуменьшение — это типичная особенность английского красноречия, но ее не так легко было обнаружить во вчерашнем заявлении сэра Хартли Шоукросса. Если только дела в Европе за последнее время не обернулись к худшему, я полагаю, что там все же остались стулья, на которых можно сидеть. Откровенно говоря, не думаю, что появится не-

¹ См. 113-е пленарное заседание Генеральной Ассамблеи.